

Санкт-Петербургский государственный университет

ГАДЖИЕВА Айгун Байрамовна

Выпускная квалификационная работа

**КАТЕГОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ В
СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО И
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Уровень образования: Магистратура

Направление: 58.04.01 «Востоковедение и Африканистика»

Основная образовательная программа ВМ. 5845. 2022

«Языки народов Азии и Африки»

Научный руководитель:

доцент, кафедра тюркской филологии
СПБГУ, кандидат филологических наук,
Дубровина Маргарита Эмильевна

Рецензент:

доцент, Кафедра восточных
языков, Отделение восточных
языков и культур,
доктор филологических наук,
Мансурова Оксана Юрьевна

Санкт-Петербург

2024

Содержание

Введение	3
Глава 1. Понятийно-терминологический аппарат	6
Глава 2. Вопрос истолкования причастий и субстантивно-адъективных форм	23
2.1. О понятии «причастие» и «субстантивно-адъективные формы».....	23
2.2. Причастные формы турецкого языка.....	29
2.3. Причастия (Субстантивно-адъективные формы) якутского языка.....	32
Глава 3. Деепричастия	46
3.1. О понятии «деепричастие»	46
3.2. Деепричастные формы турецкого языка.....	51
3.2. Деепричастные формы якутского языка	59
Заключение	69
Список источников	71
Список используемой литературы	72

Введение

Категория номинализация действия – это широкий спектр языковых средств, позволяющих представить действие, а также то, что воспринимается как действие в образах предмета, признака или обстоятельства. Выбор этих категорий не случаен, поскольку они представляют собой основные классифицирующие значения именных лексико-грамматических классов. В результате процесса номинализации возникают субстантивные (имена действия), адъективные (причастие), адвербиальные (деепричастие) формы. Несмотря на семантические трансформации, возникающие глагольные формы не утрачивают своих глагольных свойств. Они продолжают выражать действие, обладать способностью к управлению, образовывать залоговые формы и формы статуса, передавать временные характеристики и употребляться в аналитических глагольных конструкциях¹.

Влияние индоевропейской лингвистической традиции на востоковедение привело к тому, что номинализация действия часто игнорируется как самостоятельная словоизменительная категория. Это явление, вероятно, связано с доминированием индоевропейской лингвистической традиции, которая привела к заимствованию понятий и созданию искусственных классификаций, не всегда применимых к восточным языкам. Это подтверждается анализом языкового материала, который указывает на необходимость переосмысления некоторых положений индоевропейской науки. В частности, это касается выделения обязательной бинарной категории множественного числа и трактовки деепричастия как инфинитива. Концепция вторичного гипостазирования, предложенная В.Г. Гузевым, служит теоретической основой для анализа категории глагольных именных форм в данном исследовании.

¹ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб.гос. ун-та, 2015. 154 с.

Целью исследования является сопоставительный анализ особенностей функционирования двух категорий, относящихся к глагольным именам, – причастий и деепричастий – в современных якутском и турецком языках, выявление и сопоставление структур этих глагольно-именных категорий, сравнение их значений и синтаксических функций.

Для достижения этих целей перед автором стоят следующие **задачи**:

1. Проработка и осмысление понятийно-терминологического аппарата;
2. Анализ указанных глагольных имен в якутском и турецком языках;
3. Исследование достижений лингвистики для анализа сравниваемых языков и применение их принципов для осуществления общелингвистического анализа;
4. Выявление сходных и различных черт в языковом значении и контекстном функционировании причастных и деепричастных форм двух тюркских языков.

Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Две главы посвящены анализу глагольных форм, обладающих субстантивно-адъективными и адвербиальными характеристиками. Ключевые понятия и концепции, используемые в работе, представлены в главе «Понятийный аппарат».

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов:

1. Одним из характерных признаков морфологической системы агглютинативных языков является развитая система глагольных имен, которая тесно связана с особенностями их синтаксического строя. Во всех рассматриваемых языках категория номинализации действия представлена многообразием форм. Активное использование конструкций с глагольными

именами делает излишним применение сочинительных и подчинительных союзов.

2. Несмотря на значительный интерес к именным формам глагола в якутском языке, существующий уровень исследований в данной области нельзя признать достаточным. Доминирующий подход к описанию глагольных именных форм в доступных грамматиках носит преимущественно дескриптивный характер, не уделяя должного внимания их функциональному потенциалу. Более того, автор настоящей работы считает некорректным для исследования агглютинативных языков использовать терминологический аппарат, который основан на материале индоевропейских языков.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что автор данной работы, опираясь на анализ материалов исследуемых языков, выявил и описал особую подкатегорию в рамках номинализации действия – субстантивно-адъективные формы. Тогда как данные формы в рамках якутского языкознания традиционно классифицируются как причастия. Кроме того, в рамках исследования предлагается концептуальное расширение деепричастных форм. Предлагается рассматривать не только традиционно выделяемые инфинитные неспрягаемые формы, но также отдельные финитные формы с обстоятельственным значением, а также морфолого-лексические и лексические образования, эксплицирующие действие в качестве обстоятельства. Данный подход представляет собой новое видение традиционного понимания деепричастия, обогащая теоретические основы языкознания и открывая новые горизонты для дальнейших исследований.

Объектом исследования являются формы, традиционно именуемые причастиями, и деепричастия, функционирующие в якутском и турецком

языках. **Предмет исследования** – их общие свойства и особенности функционирования.

С целью предоставления возможности ознакомления с работой специалистам из разных областей языковедения приведенные в работе примеры из оригинальных текстов на турецком и якутском языках представлены в сопровождении грамматического комментария.

Фактическим материалом для исследования **турецкого языка** послужили произведение Сабахаттина Али «Kürk mantolu madonna» (Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul: Remzi kitabevi, 1943.), Яшара Кемалю «Yılanı öldürseler» (Yaşar Kemal. Yılanı öldürseler. İstanbul: Cem yayınevi, 2004.), Мехмета Рауфа (Mehmet Rauf. Bir aşk tarihi. İstanbul: Ceylan Matbaa, 2018.), Халиде Эдип Адывар «Halide Edip Adivar. Ateşten gömlek. İstanbul: Can yayınları, 2019.) Зюльфию Ливанели «Huzursuzluk» (Zülfü Livaneli. Huzursuzluk. İstanbul: Doğan Egmont yayıncılık Tic. A. Ş., 2017.); для исследования **якутского языка** примеры были взяты из трудов Зверева Д.С. (Аҕам туһунан аман өс. Якутскай., 1995.) Скрыбина В.В. (Кырыыстаах кыраабытын курдук. (Как будто кто-то проклял) – [URL:http://wiki.sakhatyla.ru/wiki/Кырыыстаах_кыраабытын_курдук...](http://wiki.sakhatyla.ru/wiki/Кырыыстаах_кыраабытын_курдук...)), Хотугу сулус. Саха уус-уран литературатын икки ыйга биирдэ тахсар альманаҕа (Полярная звезда. Якутский художественно-литературный альманах выходящий один раз в два месяца, Якутскай к.: САССР ГОСИЗДАТА ЯКУТСКАЙ, 1945.)

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

«Один из путей разработки столь важного для лингвистики вопроса о том, что представляет собой язык как предмет познания, каково содержание и каков объем понятия «язык», проходит через последовательное отграничение этого понятия от понятий «речь» и «мышление»². В современной лингвистике в большей степени осознана необходимость разграничения понятий «язык» и «речь», теорию которой впервые в четкой форме выдвинул и обосновал крупнейший лингвист, теоретик в области общего языкознания Фердинанд де Соссюр (1857-1913). Позже данные понятия наиболее глубоко разрабатывались другими исследователями, и в частности Л.В. Щербой (1880-1944) и его учениками. В меньшей степени исследователи проявляют стремление к разграничению этих двух понятий от понятия «мышление».

Язык и речь

Проблема разграничения понятий «язык» и «речь» – это один из важнейших вопросов в общем языкознании, который неоднократно выдвигался в центр научной дискуссии. Как было сказано ранее, наиболее четко впервые в языкознании понятия «язык» (*langue*) и «речь» (*parole*) разграничил Фердинанд де Соссюр и данные понятия обосновал как две противоположные, но тесно связанные друг с другом формы существования многообразных и противоречивых в своей совокупности «речевых явлений»³.

Во всех лингвистических работах исследователи в качестве исходных понятий, как правило, выдвигают не только «язык» и «речь», а также «коммуникативно-речевую деятельность» со всеми их противоречиями. Изучение речевой деятельности, - пишет Фердинанд де Соссюр, -

² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 5 с.

³ Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М.: Прогресс, 1999. 26 с.

распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична⁴.

Рассмотрение вопроса о связи языка и речи целесообразно начать с объяснения понятия язык. «Язык, или языковая система – это объективно существующий в психике индивида естественный коммуникативный механизм, - пишет В.Г. Гузев, - знание или совокупность знаний, которыми владеет каждый член одной коммуникативной общности и которые лежат в основе способности человека пользоваться звуковыми или графическими знаками (т.е. производить и воспринимать их) с целью обмена мыслительным содержанием (смыслом, информацией); изогенное, гомоморфное (в пределах, необходимых для обеспечения коммуникации), узуальное, социальное знание, функционирующее в психике каждого члена одного однородного языкового коллектива»⁵. С этой позиции справедливо будет сказать, что язык является главным средством коммуникации, и именно коммуникативная природа языка, с одной стороны, считается решающим фактором на пути адекватного понимания и интерпретации данного понятия. С другой стороны, не менее важным моментом является признание не материальной природы языка, ведь язык формируется в психике человека, что подталкивает на мысль о том, что язык – это идеальный объект⁶. По мнению Соссюра, в языке нет ничего индивидуального, а в речи нет ничего коллективного. Речь обладает свойством быть громкой или тихой, быстрой или медленной, длинной или краткой; к языку эта характеристика не приложима. Речь может быть монологической, если собеседник только слушает, и диалогической,

⁴ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 57 с.

⁵ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2015. 7 с.

⁶ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Академия наук СССР, 1963. 101 с.

если в общении принимает участие как минимум два коммуниканта. Язык не имеет ни одну из этих характеристик.

Разграничивая такие понятия, как «язык» и «речь», следует разграничивать и единицы данных объектов. Важно помнить, что в процессе коммуникации происходит постоянный обмен информацией. Причем информация передается набором звуковых или графических знаков. Таким образом, под речью понимается «знак или развернутая во времени и пространстве комбинация, линейная последовательность знаков, выступающих в функции репрезентантов какого-либо мыслительного содержания, смысла, благодаря чему и оказывается возможным общение между людьми»⁷. Речь – это материальное звено акта коммуникации, посредством которого передается мыслительное содержание⁸. Под знаком же, как правило, понимается материальный предмет или явление в материальной действительности, которое «в силу условной связи в коре головного мозга воспринимающего существа указывает на некий факт, вызывая отражение этого факта в виде образа или мысли»⁹. Главной чертой отношения знака и того, что знак означает, является условный характер, который образовывается между ними. Таким образом, язык представляет собой систему знаков, в которой значение и акустический образ связаны между собой условной, устойчивой ассоциативной связью.¹⁰ Отношения между знаками образуют иерархически упорядоченную систему, чего невозможно сказать о речи.

Материальный речевой знак напрямую «связан с языком через свой идеальный образ», который в сознании носителя языка посредством

⁷ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 9 с.

⁸ Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 20 с.

⁹ Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов., 1966. 93 с.

¹⁰ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Наука, 1978. 255 с.

устойчивой ассоциативной связи сочетается с образом элемента действительности – «языковым значением»¹¹.

Таким образом, знак обладает следующими характеристиками: материальность, наличие связи с какой-либо информацией, условный характер связи между знаком и тем, на что знак указывает¹².

Резюмируя все вышесказанное, можно обозначить связь языка и речи словами Соссюра: «в речи присутствуют «комбинации», при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли»¹³. Следовательно, следует вновь отметить идеальный характер языка и материальность речи в коммуникативной деятельности.

При рассмотрении акта речи удалось уяснить, что обе стороны языкового знака психичны и связываются в мозгу человека. Минимальными двусторонними инвентарными единицами языков всех четырех структурных типов (аморфных, флективных, инкорпорирующих, агглютинативных) является монема. «Единство из узуально ассоциированных по смежности двух социальных образов, – пишет Г.П. Мельников, – значения (семантемы) и языкового знака (морфемы), называется монема»¹⁴. Монемы бывают двух видов, те, которые имеют лексическое значение, традиционно называют лексемами. Те из монем, которые соотносятся с минимальными единицами морфологии, именуют термином «морфема».

Положение о том, что в актах коммуникативной деятельности единицы соотносятся с элементами объективной действительности косвенно, а именно через мыслительные образы, вынуждают лингвистов различать значения, которые имеют языковые единицы в системе языка и смыслы, которые

¹¹ Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 21 с.

¹² Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 70 с.

¹³ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 38 с.

¹⁴ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Наука, 1978. 255 с.

речевые знаки передают во время коммуникации. Под смыслами в настоящей работе понимают мыслительные образы или их комбинации, которые составляют мыслительное содержание.¹⁵ Смешение в ходе исследования текстов значений и смыслов происходит от не различения таких онтологических явлений как «мышление» и «язык». Зачастую подобное смешение может приводить к существенным искажениям или неверному пониманию сущности морфологической формы.

«Значение – это специализированный, социально значимый, узуальный гомоморфный, абстрактный мыслительный образ какого-либо класса элементов материального или воображаемого мира (вещей, свойств и отношений), являющийся компонентом языковой системы, приспособленный для осуществления коммуникации и функционирующий как означаемое, которое находится в постоянной ассоциативной связи с означающим (то есть обобщенным образом речевого знака) в составе упомянутой выше минимальной двусторонней языковой единицы – монемы»¹⁶.

Значение соотносится с единицами языковой системы, чего нельзя сказать о смысле, который представляет собой «элемент внеязыковой мыслительной картины мира»¹⁷. По Мельникову, смысл – это неязыковое значение, мыслительное содержание, которое передается в актах коммуникативно-речевой деятельности с помощью языковых и речевых средств.¹⁸ Согласно точке зрения О. С. Ахмановой, смысл – это то содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и тому подобное) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения)¹⁹. За значениями стоит функция вступать в узуальную или окказиональную ассоциацию с неязыковыми мыслительными единицами, то

¹⁵ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Наука, 1978. 258 с.

¹⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Санкт-петербургский университет, 2015. 14 с.

¹⁷ Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 73-99 с.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 506-509 с.

есть смыслами²⁰. Важно отметить, что набор узуальных и окказиональных смыслов у монем одного языка, как правило, может не совпадать с тем же набором у аналогичной монемы другого языка. «Признание значений языковыми единицами означает и признание количественной ограниченности их состава при неограниченности выражаемых в речи конкретных окказиональных смыслов»²¹.

Таким образом, следует сделать заключение, что смысл – это единица мыслительной сферы, которая представляется значением, являющимся важной составной частью инвентарных единиц языка, то есть монем.

Важно понимать, что в коммуникативно-речевой деятельности происходит непрерывный обмен информацией. В свете современных лингвистических представлений коммуникативно — речевая деятельность может быть представлена следующим образом: «в психике говорящего происходит процесс, начинающийся с (1) возникновения замысла (коммуникативной интенции), проходящий через (2) формирование подлежащего сообщению мыслительного содержания (смысла), (3) кодирование смысла путем подбора способных напоминать или намекать на этот смысл языковых значений (семантем), (4) фонологическую и морфонологическую материализацию (в виде знаков, ассоциированных с семантемами «языковых знаков» (означаемыми выбранных двусторонних языковых единиц – монем) и с линейным расположением знаков (слов и морфов) по морфологическим и синтаксическим правилам и моделям языковой системы». Заканчивается данный процесс порождением коммуникативных речевых единиц, то есть высказываний²². Декодирование смысла слушающим происходит в противоположном направлении:

²⁰ Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 267-290 с.

²¹ Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 24 с.

²² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 9 с.

слушающий опознает компоненты речи (звуков, знаков, слов, морфов, словоформ, конструкций), происходит возбуждение их внутриязыковых соответствий (фонем, «языковых знаков», то есть означающих монем, их семантем (означаемых), происходит выбор или поиск смыслов, которые напоминают или на которые семантемы, и формируется цельный смысл, который имеется в виду говорящим.

1. Язык и мышление

Язык и мышление, два неразрывно связанных понятия, между которыми имеются принципиальные различия, каждое из этих явлений имеет свои специфические особенности. Выяснение конкретного характера связи между данными понятиями – это одна из центральных проблем теоретического языкознания и философии языка. В решении этой проблемы обнаруживались глубокие расхождения – от прямого отождествления языка и мышления (Ф. Шлейермахер, И. Г. Гаман) или их чрезмерного сближения с преувеличением роли языка (К. В. фон Гумбольдт, Э. Сепир; бихевиоризм, неогумбольдтианство, неопозитивизм) до отрицания непосредственной связи между ними (Ф. Э. Бенеке) или, чаще, игнорирования мышления в методике лингвистического исследования (лингвистический формализм, дескриптивизм)²³.

Рассмотрение вопроса о связи языка и мышления целесообразно начать с объяснения понятия мышление. Мышление – высшая форма активного отражения объективной реальности, целенаправленное, опосредствованное восприятие органами чувств существенных связей и отношений предметов и явлений, а затем отражение и запечатление их в сознании индивида или другого живого существа²⁴. Мышление осуществляется в различных формах и структурах, в которых закреплен и обобщён познавательный и социально-исторический опыт человечества. А язык, в свою очередь, это одна из форм

²³ <https://www.sites.google.com/site/yazyk13/podgotovka-k-ekzamenu/vaznost-problemy-azyk-i-myslenie>. (Дата обращения 28.01.21)

²⁴ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 9 с.

выражения мышления. Язык представляет собой механизм, находящийся в сознании индивида, то есть физически формирующийся объект²⁵.

Важно отметить, что человеку свойственно как вербальное мышление, так и невербальное мышление²⁶. Согласно Г.П. Мельникову, «признание того, что вербальные разновидности составляют не всю сферу человеческого мышления, а лишь часть ее, нисколько не ставит под сомнение, а углубляет общепризнанное в отечественной науке положение о том, что в человеческом сознании мышление (включая и вербальное) и «язык» теснейшим образом взаимосвязаны»²⁷.

Насколько бы тесно ни были связаны мышление и язык, любые явления, объекты, ситуации, воспринимаемые органами чувств, сначала отражаются и запечатлеваются в психике индивида в виде мыслительных образов. Под мыслительным образом необходимо понимать не только предмет объективной действительности, но и целую ситуацию (вид за окном, зимний пейзаж, ссора детей и так далее). Предполагается, что вначале элементы объективной действительности отражаются в сознании индивида в виде конкретных образов, а затем, на их основе возникают абстрактные образы и становится возможным восхождение мышления от конкретного к абстрактному. С точки зрения Г.П. Мельникова: «процедуры и механизмы мыслительных процессов и актов, осуществляясь в зоне внеязыкового сознания, в зоне отражения и прогнозирования состояний внешней действительности, остаются общими, универсальными для всех народов, независимыми от строя языка»²⁸. Язык – это «какая-то область человеческого мышления, здесь удобно пользоваться термином механизм внутри мышления, позволяющий человеку вступать в коммуникативное общение с

²⁵ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 38 с.

²⁶ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Наука, 1978. 271-278 с.

²⁷ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 9 с.

²⁸ Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 13 с.

другими людьми»²⁹. Языковые значения, как и содержание высказываний, косвенно соотносятся с объективной действительностью, через мыслительные образы, в которых эта действительность отражается в сознании. Причем в сознании индивида может быть неограниченное количество мыслительных образов, большая часть которых не получает языковой оболочки. Именно «язык позволяет мысли, которая рождается раньше языка и пребывает в бесформенно-образном виде, получить материальную форму для передачи ее другому лицу»³⁰.

Подсистемы языка

Традиционно в лингвистической среде исследователи выделяют в составе языковой системы следующие наиболее крупные подсистемы: фонология, лексикология, морфология, синтаксис, морфонология. В свою очередь, каждая из перечисленных подсистем представляет собой частные микросистемы с равноправными отношениями. Согласно теме настоящей работы, следует, прежде всего, обратить внимание на морфологическую подсистему языка, остановиться на выяснении ее сущности и, соответственно, рассмотреть ее морфологические единицы. Согласно О.С. Ахмановой, «основным предметом морфологии является исследование системы морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, то есть системы его грамматических категорий и способов их выражения, включая учение о формообразовании»³¹. Морфология многими исследователями истолковывается как подраздел языка, который представляет собой две основные подсистемы, одна из которых распределяет лексические единицы по частям речи, а вторая связывается с операциями,

²⁹ Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление» (из истории проблемы) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 42- 49. С. 47.

³⁰ Дубровина М.Э. Указ. Соч. С. 42- 49. С. 48.

³¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 509 с.

которые коммуниканты производят над словами³². «Поскольку слова могут подвергаться разным историческим трансформациям, случайным или неслучайным индивидуальным видоизменениям, рационально полагать, что к морфологии имеет отношение лишь та разновидность производимых коммуникантами операций над словами, которая носит регулярный характер и представляет собой совокупность устоявшихся, отработанных языком способов, правил ограниченного (то есть совершаемого в пределах сохранения узнаваемости слова коммуникантами) видоизменения, модификации слов. Эта разновидность операций над словами в дальнейшем именуется техническим преобразованием слов»³³.

Для тюркских языков характерны следующие способы технического преобразования: агглютинативно-прогрессивная аффиксация, употребление аналитических показателей, использование повторов, образование «аналитических» конструкций, смещение ударения³⁴. Автор данной исследовательской работы полностью согласен с учеными, которые трактуют морфологию как фрагмент грамматики, представляющий собой две языковые подсистемы: 1) распределяет лексические единицы по лексико-грамматическим классам, и 2) отвечает за техническое преобразование слов. Средства технического преобразования слов – это инвентарные единицы, которые являются компонентами структурных единиц языка – его словообразовательной и словоизменительной подсистем.

В лингвистической среде исследователи все чаще и чаще поднимают вопрос разграничения данных подсистем. Проблема заключается в том, что ученые по-своему обозначают границы словообразовательных и словоизменительных явлений. Кроме того, следует отметить, что вместо

³²Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л., 1990. 18 с.

³³ Там же.

³⁴ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. Л.: Наука, 1981. 15-20 с.

термина «словоизменение» зачастую употребляется термин «формообразование», что еще больше приводит к еще большей путанице. За словообразовательными и словоизменительными операциями стоят коммуникативные задачи, через которые собственно и следует вывести их конкретные функции. Словообразование несет ответственность за образование новых лексем, а функция словоизменения заключается в видоизменении имеющихся слов без вторжения в их лексическое значение. Таким образом, словообразование – это оперативно-грамматическое преобразование лексемы, при котором возникает иное значение, то есть образ иной реалии, иного элемента объективной действительности³⁵. В результате словообразовательной операции возникает не словоформа, а иная лексема, которая соотносится с новым элементом объективной действительности. Тюркское словоизменение, в свою очередь, трактуется как «система языковых средств, используемых при порождении речи для производства разнообразных словоформ, в основе которого лежат следующие операции с языковыми значениями: 1) сочетание знаменательных или служебных лексических значений со служебными грамматическими значениями; 2) окказиональное (то есть осуществляемое эпизодически, лишь при наличии коммуникативной необходимости) сопряжение значений отдельных лексем и комбинаций значений, репрезентируемых в речи словоформами или словосочетаниями, с классифицирующими грамматическими значениями предметности, качественности, обстоятельственности, в результате чего передаваемое с помощью соответствующих слов, словоформ или словосочетаний мыслительное содержание предстает в образах предметов, признаков или обстоятельств. Такое преобразование семантики и представление ее в образах, являющихся классифицирующими грамматическими значениями именных частей речи, обозначается в настоящей работе термином «вторичная репрезентация», а в

³⁵Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 39 с.

применении к соответствующим глагольным формам – более частным термином «номинализация действия»³⁶.

В вопросе о терминологическом обозначении понятий словоизменение и формообразование наиболее обоснованной считается та точка зрения, согласно которой формообразование является частью словоизменительной подсистемы, той, которая отвечает за образование новых грамматических форм, но при этом на языковом уровне происходит сочетание лексического значения и категориально-грамматического значения. Говоря иными словами, «формообразование – это основная (с коммуникативной точки зрения наиболее важная) разновидность словоизменения, представляющая собой языковой механизм такого оперативного грамматического преобразования слов в речи (построения словоформ), которое производится с целью репрезентации каких-либо категориальных значений, и обслуживающая все словоизменительные категории, т.е. как те, которые не обладают механизмом спряжения, так и те, которые обладают последним»³⁷. Следует отметить, что к формообразованию относятся также формы и категории вторичной репрезентации.

Из сказанного следует заключить следующее: формообразование не покрывает весь объем словоизменительной подсистемы. В сфере содержательно-коммуникативного словоизменения, как правило, выделяют две разновидности операций, одна из которой представляет собой репрезентацию в речи какого-либо категориального значения формы, другая представляет не сами категориальные значения, которые передают те или

³⁶Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 22 с.

³⁷Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 30 с.

иные связи между объектами, а одного из участников той связи, которая закреплена в значении формы³⁸.

Разграничение вышеупомянутых операций вытекает из анализа многочисленных категорий, репрезентирующих собой совокупность форм с показателями лица. «Если категориальным признавать служебное значение, которое объединяет формы в категорию (скажем, такое, которое имеется у каждой формы данной совокупности), то, например, глагольная категория прошедшего простого времени (чаще всего именуемая в тюркских грамматиках «прошедшим категорическим временем») в качестве категориального имеет значение хронологического предшествования действия настоящему моменту»³⁹. Данная временная форма образуется с помощью аффикса -dū/di. Спряжение ее по лицам никак не меняет временное значение, а намеревается репрезентировать субъект передаваемого словоформой суждения одним из личных значений. Иными словами, посредством аффикса -dū/di выполняется формообразовательная операция, а посредством личных показателей – формоизменительная операция. Таким образом, формоизменение представляет собой разновидность словоизменения, механизм такого оперативного грамматического преобразования форм, которое не меняет категориального значения и «производится с целью переменной репрезентации в речи предметов, участников ситуации, которые вступают в передаваемую категориальным значением в одном и том же амплуа (например, производителя действия, субъекта передаваемого конкретного суждения, субъекта обладания как одного из участников отношения принадлежности)». Формоизменительная операция характерна только многочисленным категориям, в частности категории принадлежности, именной и глагольной сказуемости.

³⁸ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 26 с.

³⁹ Там же.

Резюмируя все вышесказанное, следует заключить следующее: целесообразно выделять две разновидности словоизменения, одним из которых является формобразование, представляющее собой основную разновидность словоизменения и охватывающее не только категории с личными показателями, но и все остальные категории, вторая разновидность соотносится в тюркских языках с многочленными категориями, которые обозначаются формами с показателями лица. Таким образом, глагольные категории статуса, залога, номинализации действия являются словоизменительными категориями, к которым применим только формобразовательный механизм. В то время как глагольные категории сказуемости, категория склонения и времени – это словоизменительные категории, к которым приложимы, как формобразовательные, так и формоизменительные операции, а «производимые на их основе словоформы в речи имеют в своем составе в большинстве случаев и формобразовательные, и формоизменительные форманты»⁴⁰.

Таким образом, словоизменительную подсистему морфологического фрагмента языка составляют инвентарные и структурные единицы, представляющие собой идеальную природу. «Инвентарные единицы – это морфемы, то есть монемы, имеющие служебное значение и являющиеся средством оперативного (формобразовательного и формоизменительного) преобразования слова, которым в речи соответствует конкретные алломорфы, традиционно именуемые в тюркологии аффиксами».⁴¹ Как было сказано ранее, минимальными инвентарными единицами, отличающиеся друг от друга значением, являются морфемы. Структурные единицы, в свою очередь, представляют собой словоизменительные формы и категории. Структура – это схема, идеальная модель, по которой элементы могут

⁴⁰ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 28 с.

⁴¹ Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 32 с.

взаимодействовать друг с другом. Следует отметить, что минимальной структурной единицей является форма, представляющая собой абстрактный образ (механизм), включающий набор правил, моделей, программ, по которым индивид изменяет облик слова в речи в пределах его узнаваемости, порождая при этом словоформу, с целью сопряжения значения лексемы (соответствующей в речи основе слова) со значением морфемы (реализующейся в речи конкретным аффиксом); при этом не нарушается тождество значения лексемы самому себе».⁴² Формы объединяются в наиболее крупную структурную единицу, которую принято называть категорией. Под словоизменительной грамматической категорией в настоящей работе понимается «структурная единица более высокого, чем форма, порядка, поскольку она может представлять собой совокупность форм, объединяемых или одним общим, или разными однородными, родственными служебными грамматическими значениями». ⁴³«В частности, – продолжает размышления В.Г. Гузев, – под глагольной категорией понимается форма или совокупность форм, в которых отражен и закреплён опыт носителей языка, наборы правил, модели, необходимые для построения при порождении высказываний глагольных словоформ, то есть комбинаций знаков, представляющих собой сочетания глагольных основ и словоизменительных показателей»⁴⁴.

2. Место категории номинализации действия среди глагольных словоизменительных категорий.

Тюркский глагол имеет пять общих словоизменительных категорий: 1) категория залога; 2) категория статуса; 3) категория аспектуальности; 4) категория сказуемости; 5) категория номинализации действия.

⁴² Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб., 2010. 32 с.

⁴³ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 24 с.

⁴⁴ Там же. 25 с.

Следует отметить следующие особенности, свойственные всем именным формам глагола: 1) сохраняют глагольное управление; 2) способны выступать в продуктивных залоговых формах; 3) образуют отрицательную форму «глагольным способом, то есть с помощью аффикса – та; 4) могут оформлять сложные глагольные образования (в частности, перифрастические формы, формы возможности и невозможности)⁴⁵.

Глагольные словоизменительные категории могут выражать следующее:

1. Выражают сопряжение лексических значений глаголов со служебными грамматическими значениями, указывающие на связи или свойства действий (категория залога и сказуемости);
2. Выражают связи, в которые выступают признаки действий (категория статуса и аспектуальности);
3. Репрезентация действий в виде предмета, признака или обстоятельства, то есть вторичное представление явлений, первично воспринятых как действия.

⁴⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 117 с.

ГЛАВА 2. ВОПРОС ИСТОЛКОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ И СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНЫХ ФОРМ

2.1. О понятии «причастие» и субстантивно – адъективные формы (САФы)

Исследователи, занимающиеся изучением тюркских и других языков различных семей и типов, долгое время уделяли особое внимание именным формам глаголов. «Важность вопроса об именных формах глагола обуславливается той значительной ролью, которую они играют не только в морфологии, но и в синтаксисе тюркских языков»⁴⁶. Важно отметить, что глагольные имена составляют мощный, развитый блок в строе тюркских языков. Как было сказано ранее, они-то и являются причиной проявления одной из черт тюркского синтаксиса, важность которой заключается в том, что тюркские языки могут обходиться без придаточных предложений индоевропейского типа. Однако категория причастий вызывает особое внимание исследователей, поскольку до сих пор нет единого определения этих форм, которое учитывало бы все их специфические характеристики. Часто специалисты-тюркологи прибегают к терминологии, разработанной для индоевропейских языков, и применяют ее к тюркским языкам, языкам с другой структурой. Подобные явления переноса понятий и терминов, которые можно наблюдать не только в тюркологии, но и в востоковедении в целом, не всегда бывают удачными. Например, применение дефиниций, которые базируются на флективных языках, таких как русский или другие индоевропейские языки, мешает корректной интерпретации причастных форм в агглютинативных языках. В результате, установление универсального метода изучения структуры, функций и семантики причастий в тюркских языках оказывается затруднительным.

⁴⁶ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 117 с.

При изучении лингвистических материалов якутского и турецкого языков, которые обладают морфологической агглютинирующей структурой суффиксального типа, автор натолкнулся на рассмотренное ранее явление. В якутском языке существуют формы, обозначаемые как «причастные», и традиционно называемые причастиями, однако то, как они ведут себя в речи, скорее характеризует их в качестве многозначной глагольно-именной формы, способной выражать действие как объект и как признак одновременно. В отечественной тюркологии некоторые ученые описывают подобные формы как субстантивно-адъективные (САФ), которые, наряду с причастиями, исследуются в рамках концепции вторичного гипостазирования, предложенной В.Г. Гузевым⁴⁷. Согласно данной концепции, при использовании глагольно-именных форм в речи, действие, которое передается данным словом или его формой, преобразуется в вид предмета, признака или обстоятельства, что позволяет этим формам иметь общее с такими частями речи, как имена существительные, прилагательные или наречия. Таким образом, суть значений этих форм проявляется в их способности представлять различные действия в образе классифицирующих грамматических значений именных классов: предметов, признаков или обстоятельств, и объединяет их в одну общую категорию номинализации действия.

Таким образом, для того, чтобы понять первичное значение якутских глагольных форм, именуемых причастиями, необходимо провести их анализ в определительной функции. Ответить на вопрос, возможно ли употребление данных глагольных форм в субстантивной (предметной) функции, и сопоставить их с соответствующими формами турецкого языка. Прежде чем углубиться в конкретный материал якутского и турецкого языков, важно четко определить позицию автора относительно толкования понятий

⁴⁷ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Санкт-Петербургский университет, 1990. 118 с.

"причастие" и "субстантивно-адъективная форма (САФ)", а также выявить функциональное значение изучаемых форм в рассматриваемых языках.

Причастия в общем языкознании имеют различные трактовки: одни ученые интерпретируют причастия, как часть класса прилагательных⁴⁸ (А. Востоков), другие относят причастия к самостоятельной части речи (В.А. Богородицкий), третьи воспринимают их как часть глагола. Но, несмотря имеющиеся расхождения, практически все специалисты регистрируют у причастий наличие признаков глагола и имени прилагательного. «Причастие – это особая гибридная глагольно-адъективная форма, подчеркивающая совмещение в нём признаков глагола и прилагательного»⁴⁹ – пишет В.В. Виноградов.

В качестве классического толкования понятия «причастие» нельзя оставить в стороне позицию О.С. Ахмановой, согласно которой «причастие – это именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действия (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени»⁵⁰.

К настоящему времени в областях тюркологии, занимающихся разными тюркскими языками, уже выявлен список форм, которые возможно отнести к категории причастий, однако до сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу значения этих форм. Существует значительное количество исследований, проведенных на материале тюркских языков, посвященных анализу данных форм и их функционированию в языке.

В соответствии с мнением А.Н. Кононова, причастия обычно рассматриваются как глагольные формы, объединяющие морфологические

⁴⁸ Востоков А. Х. Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете. Спб., 1820. С. 212.

⁴⁹ Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1977. 116 с.

⁵⁰ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 366 с.

характеристики, как глагола, так и прилагательного⁵¹. Тем не менее, некоторые исследователи указывают на специфические особенности тюркских причастий, подчеркивая их способность функционировать в речи не только в адъективной, но и в субстантивной роли.

Согласно другому подходу, турецкие причастия рассматриваются согласно тем функциям, которые они выполняют в высказывании. Так, С. Н. Иванов причастия в зависимости от различий в наборе функций делит на атрибутивные (-an), атрибутивно-предикативные (-ar, -miş), атрибутивно-субстантивные (-dik) и атрибутивно-субстантивно-предикативные (-acak) формы. «Это разделение функций у причастий отражается и в различиях сочетания их с определяемыми, – пишет С.Н. Иванов, – причастия с показателями -an, -ar, -miş являются формами присубъектного определения, т.е. сочетаются с определяемым, которое обозначает субъект действия, выраженного причастием; причастие с аффиксом -dik представляет собой форму определения (с притяжательным оформлением) при определяемых со значениями объекта (прямого и косвенного), места и времени действия; причастие с формантом -acak допускает те же типы определяемых, что и причастие -dik, но может, кроме того, быть и присубъектным определением»⁵².

Вопрос о роли глагольно-именных форм в формировании сказуемого в составе сложного предложения, в частности, их способности отражать субъектно-предикативные связи между элементами, обсуждается разными исследователями. Например, Е.И. Убрятова отмечает, что якутские причастия способны передавать временные значения и могут выступать в роли сказуемого как в простом, так и в сложном предложении, включая как главное, так и придаточное предложение.⁵³

⁵¹ Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л.: Академия наук СССР., 1960. 153 с.

⁵² Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. Ленинград: Ленинградский университет, 1977. 86 с.

⁵³ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1950. 39 с.

Таким образом, Е.И. Убрятова трактует причастия следующим образом: «Причастие в якутском языке – форма глагола, образуемая от любой глагольной основы и выражающая простейшее время изъявительного наклонения, связанное с утверждением или отрицанием действия»⁵⁴. Исследователей также привлекает подход О.Н. Бетлингга, который, в своем труде "О языке якутов", избегал классифицировать инфинитные формы якутского языка с адъективной семой как причастия, отдавая предпочтение термину «глагольное имя»⁵⁵.

Однако автор настоящей работы не может полностью согласиться с вышеуказанными трактовками, поскольку невозможно игнорировать глубокую функциональную разницу между причастиями и субстантивно-адъективными формами. Трактовать рассматриваемые якутские формы как причастия, значит не замечать их важнейшие отличия от причастных форм, не видеть в них языкового инструмента с полифункциональными характеристиками. Ведь существенная особенность субстантивно-адъективных форм заключается в том, что они, как и масдары, способны присоединять к себе личные показатели принадлежности, указывающие на производителя действия. Кроме того, в сравнении с причастиями отличительной чертой субстантивно-адъективных форм в адъективном предназначении является отсутствие агентивного значения, то есть «семы, сигнализирующей о том, что предмет, носитель признака, есть производитель действия, представляемого в виде признака»⁵⁶.

Резюмируя вышесказанное, нельзя не отметить точку зрения М.Э Дубровиной, которая, на взгляд автора настоящей работы, наиболее ясно и аргументированно обосновала разграничение так называемых «субстантивно-адъективных форм» и причастий на материале якутского и

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Бетлингг О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 327 с.

⁵⁶ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Ленинградский университет, 1990. 126 с.

турецкого языков: «в более ранний исторический период пратюркского языка сформировалась *одна общая глагольная форма*, морфологическое значение которой было настолько обтекаемо и общей, что в речи она могла выступать, как в качестве глагольных атрибутов, так и в качестве глагольных субстантивов (например, форма, которая была бы аналогична английскому герундию). Причем в отличие от современных турецких САФов (которые, как было показано выше, и на современном этапе языка имеют две функции) такая *древняя форма* в атрибутивной функции явно не имела значения агенса, а в субстантивной функции могла указывать на временные отношения или игнорировать их»⁵⁷. В качестве доказательства высказанного предположения М.Э. Дубровина рассматривает глагольные формы якутского языка. «Якутский язык, рано отделившись от основной массы тюркских языков, оказался, очевидно, в изолированном от тюркского влияния положении, вследствие чего сохранил в своем устройстве архаичные черты, присущие тюркским языкам древнейшего, еще дорунического периода. Это обстоятельство позволяет привлекать материал якутского языка при построении разного рода гипотез относительно исторического развития морфологических форм современных тюркских языков»⁵⁸.

Опираясь на эту точку зрения, автор настоящей работы также понимает под термином «причастие» именную форму глагола, оперативно представляющую действие в виде признака и способную называть лицо, совершающее действие, выраженное самой причастной формой. Субстантивно-адъективная форма, в свою очередь, представляет собой бифункциональную форму, способную сочетать в своем значении, как атрибутивную функцию, так и субстантивную функцию⁵⁹. Они не только

⁵⁷ Дубровина М.Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках//Вестник. 2012. С 16.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Ленинградский университет, 1990. 128 с.

способны представлять действие как некий признак предмета, но и передавать действие в субстантивном виде.

2.2. Причастные формы турецкого языка

1. Форма с показателем -mİş

Происхождение данной формы по-разному трактуется в тюркских языках. Исследователь Н. К. Дмитриев «возводит данный аффикс к самостоятельному монгольскому слову -mal/-meI, где монгольским гласным -a, -e соответствуют тюркские гласные -ı, -i, звуку l – ş»⁶⁰. Однако, согласно мнению А. Н. Кононова, данная форма включает в себя две единицы: -im + is. «Причастие -mİş – это именная глагольная форма, репрезентирующая действие, выраженное основой глагола, в образе признака, в семе которой есть результат этого действия»⁶¹. Такая особенность позволяет некоторым ученым полагать, что данная причастная форма «выражает прошедшее время»:⁶²

Kocaman bir levhanın üzerinde mavi ampullerle yazılmıř “Atlantik” kelimesi bir yanıp bir söniyordu. (S.A. KMM. 137.) «Слово “Atlantik”, написанное синими лампочками на огромной вывеске, то загоралось, то потухало».

Согласно точке зрения С. Н. Иванова, атрибутивные формы причастий обладают тем же спектром грамматических сем, что и формы глагольных временем. Соответственно, «причастная форма -an, -mİş, -acak выражает

⁶⁰Дмитриев Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 606 с.

⁶¹Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 82 с.

⁶² Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956. 472 с.

динамический характер, - пишет С.Н. Иванов, - а формам -ar, -mİş свойственны качественные значения»⁶³.

Также важно отметить, что причастная форма -mİş способна функционировать в синтаксической роли предиката внутри трехчленной определительной конструкции (1), либо в роли сказуемого в предложении (2).

1. *Bomba patladığında camı kırılmiş dairede hiç kimse yoktu.* «В квартире, окно которого **сломалось** при взрыве бомбы, не было людей». (в роли определения)
2. *Ağlamaktan gözleri şişmiş sanki.* «Словно его глаза опухли от слез».

Как можно заметить из приведенного примера, причастие с рассматриваемым показателем может иметь форму страдательного залога, аффикс страдательного залога не влияет ни на синтаксическую функцию, ни на морфологическое значение причастия.

Форма с показателем –(y)an

Причастная форма -(y)an - это продуктивная и производительная форма в турецком языке, которая в научной среде вызывает сложности в отношении истории своего развития. Исследователи Б. А. Серебрянников и Н. З. Гаджиева считают, что аффикс данного причастия состоит из двух элементов, один из которых представляет собой аффикс древнего отглагольного прилагательного, который выражает результат действия - аффикс n⁶⁴. «Об этом свидетельствуют отглагольные прилагательные на -ın/ın, от которых образовались отглагольные имена существительные типа азерб. *uğın* ‘куча’»⁶⁵. Исследователи пишут, что для образования причастия -an, которое выражает признак действия небудущего времени, к аффиксу

⁶³ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956. 472 с.

⁶⁴ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 219 с.

⁶⁵ Там же.

отглагольного прилагательного -n присоединяется показатель настоящего времени -a. Другую точку зрения высказывает А. Н. Кононов, который возводит данную причастную форму к аффиксу -kan, продуктивному во многих тюркских языках⁶⁶.

Причастие -(y)an в современном турецком языке выражает действие в настоящем и в прошедшем временах, т.е. функционирует в виде признака небудущего времени, т.е. в прошедшем (1) и в настоящем (2) временах.

1. *Oturan ve ayakta duran insanlara çarparak bir salondan öbürüne koştum.* (информант) «Натыкаясь на сидевших и стоящих людей, я перебежал из одного зала в другой».
2. *Yemek yemedен yemiş yemek istiyen çocuklar gibi hep sonunu söylemek istiyorum.* (Н.Е.А. АГ. 18.) «Как дети, которые, не поев, хотят есть дыню, я всегда хочу рассказать конец».

3. Форма с показателем -Ar\-mAz

В древних памятниках сема отглагольных прилагательных с аффиксом -Ar\-mAz, должно быть, выражала динамический признак⁶⁷. Вследствие этого данный аффикс был создан для передачи настоящего-будущего времени. Таким образом, причастие -(A\I)г в современном турецком языке – «это именная глагольная форма, которая представляет как признак постоянно, длительно или многократно совершающееся действие, либо действие, мыслимое»⁶⁸ безотносительно времени.⁶⁹ *anlatilmaz bir şekilde düğünüm oldu* (информант) «моя свадьба прошла так, что не описать словами».

⁶⁶ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956. 473 с.

⁶⁷ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Указ соч. 220 с.

⁶⁸ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 82 с.

⁶⁹ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 400 с.

Более того, нельзя не отметить, что отрицательная форма исследуемого данного причастия еще в староосманском языке образуется с помощью показателя -maz/-mez.

İster istemez bu vilayetli yeğenin yüzüne bakmaya mecbur oldum. (Н.Е.А. АГ. 20.) «**Волей-неволей** я была вынуждена смотреть на племянника из вилайета».

Как уже было отмечено ранее, причастия способны субстантивироваться, т.е. совершается семантическая операция опредмечивания действия:

Onun büyük geliri onun her yıl Almanya`da masraflarını karşılıyor. (информант)
«Его большой **доход** покрывает все расходы в Германии».

2.3. Причастия (Субстантивно-адъективные формы) якутского языка

В якутском языкознании традиционно выделяют так называемые «первичные» причастия: 1) причастие на -ар/-быр, 2) причастие на -быт, 3) причастие на -ых, 4) причастие на -тах, а также пять форм «вторичных» причастий: 5) форма на -ардаах 6) на -ыхтаах 7) на -быттаах 8) на -ааччы 9) аналитическая форма -а илик⁷⁰. Анализ рассматриваемых форм с точки зрения их функционально-семантических свойств показал, что ни одна из них не соответствует традиционному определению причастия. Формы -ар, -быт, -ых, -тах, а также -а илик необходимо, на взгляд автора, классифицировать как субстантивно-адъективные формы. Что касается форм, традиционно обозначаемых как "вторичные причастия", то они в основном используются для образования финитных форм. Хотя они, возможно, раньше

⁷⁰ Попова Н.И. Атрибутивная функция причастных форм якутского языка//Исследования по грамматике якутского языка. Сборник научных трудов. Якутск, 1983. С. 104-109; Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Якутск, 1992. Якутский институт языка, литературы и истории. С. 7-9.

могли выступать в роли субстантивно-адъективных форм, в современных источниках такие примеры не встречаются.

1. Форма с показателем -ар (-ыыр)/-бат

«Причастие на -ар в тюркских языках имеет разные фонетические варианты форм: на -р без начального гласного, на -ар (-ыр) без фонетических вариантов, на -ар / -ыр как с ограниченными фонетическими вариантами, так и с восемью вариантами гласных, на -ыыр с четырьмя фонетическими вариантами, на-дыр и йор с ограниченными фонетическими вариантами гласного в огузских языках»⁷¹.

Данная форма употребляется как в субстантивной, так и в адъективной функции. В субстантивной функции (представляя действие в образе предмета) данная форма присоединяет показатели принадлежности, маркирующие производителя действия, выраженного глаголом:

I. В атрибутивной функции

1. В качестве определения форма -ар (с агентивным значением)

Аттыгар олорор киһиэхэ эт. «Рядом сидящему человеку скажи».

Yanında oturanan kişiye söyle. «Рядом сидящему человеку скажи».

Данные примеры демонстрируют, что якутская форма -ар, выступающая в роли определения, функционально тождественна турецкой формой -an, а предметы, классифицируемые как определяемые, воспринимаются носителем языка как исполнители действия, которое описывается глагольной формой⁷².

Кроме того, рассматривая адъективную функцию формы –ар, нельзя не упомянуть явление окказиональной субстантивации, являющееся одним из

⁷¹ Убрятова Е.И. Грамматика современного литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. 146 с.

⁷² Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2015. 154 с.

свойств имен прилагательных⁷³. Однако, несмотря на то, что форма –ар может выступать в роли подлежащего, важно различать эти два типа употребления.

Үлелиир аһыыр, үлэлээбэт аһаабат. «Тот, кто работает, тот есть, кто не работает, тот не ест».

2) В качестве определения (без агентивного значения)

Эдьигэнтэн аттанар күүммэр. «В день моего отъезда из Жиганска».

Выше приведенный пример выявляет, что лексема *күүм* («день») не является активным исполнителем действия, описанного глаголом в форме –ар – *аттанар* (от глагола *аттан* в значении «двигаться, отъезжать»). В данном случае указание на агента действия предпринимается аффиксом принадлежности в словоформе, играющей роль определяемого в представленной конструкции. «Это, а также наличие в якутском языке некоторых устойчивых словосочетаний, таких как, например, *ыанар ынах* «дойная корова» (*ыан-* «дойть»), в которых носители языка не чувствуют необходимости использовать показатель страдательного залога, который следовало бы ожидать в случае если считать форму с показателем –ар причастной, подтверждает отсутствие у формы с показателем –ар агентивного значения»⁷⁴.

Приведенный пример показывает, что форма –ар, функционирующая преимущественно в роли определения, употребляется без аффиксов принадлежности, при этом в случае, если определяемое называет не субъект действия, он может быть не выражен вообще или выражен аффиксом принадлежности при определяемом. Кроме того, объект, который

⁷³ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 16 с.

⁷⁴ Там же.

описывается данным определением, может находиться в различных отношениях с действием, выраженным данной формой.

Фруктовой мас үүнэр сирин иккитэ тиэрэллэр... «Землю, на которой растут фруктовые деревья, дважды вспахивают».

Говоря о времени совершения действия, О.Н. Бетлингк описывает временное значение формы на -ар следующим образом: «Настоящее время используется не только для обозначения действия, происходящего в момент речи, но и для тех случаев, где действие воспринимается как возможное в любое время, как регулярно повторяющееся или как протекающее в течение длительного периода»⁷⁵. «Данное толкование указывает на то, что охарактеризовать временное значение конкретной формы нельзя исключительно на основе совершения действия в "момент речи", который представляет собой постоянно меняющуюся переменную сему, находящуюся вне языковой системы».⁷⁶ Вместо постулирования множества временных форм, представляется более обоснованной точка зрения В.Г. Гузева, который признает наличие в языке некоего абстрактного образа «настоящего момента», относительно которого позиционируется значение всех временных форм языка, выражающих действие совпадающее, предшествующее или следующее за «настоящим моментом»⁷⁷. Коммуникант же при порождении высказывания может выбрать в качестве «настоящего момента» любое событие, будь то прошлое, настоящее или будущее по отношению к реальному моменту речи». С точки зрения подобного подхода, форма -ар имеет своим значением представление в виде предмета или признака действия, *совпадающего* с настоящим моментом. Все прочее, в частности указание на длительность или многократность действия следует считать

⁷⁵ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 158 с.

⁷⁶ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 16 с.

⁷⁷ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. 124 с.

смыслами (контекстуальными значениями), которые данная форма способна окказионально передавать.

II. Форма -ар в субстантивной функции

В субстантивном употреблении (представление действия в образе предмета) данная форма, как правило, оформляется показателями принадлежности, маркирующими производителя действия, выраженного глаголом:

Ваня утуйа сытарын көрдүм. «Я увидел, что Ваня спит».

При субстантивном употреблении форма -ар способна выполнять различные синтаксические роли:

1) Может выступать в роли подлежащего (функционально тождественна САФ турецкого языка⁷⁸)

Мин табалары ситэрим көстөн турара. «Было очевидно, что я настигну оленей».

Барарым чугаһаата. «Скоро мне уходить».

Анализируя вышеприведенные примеры, очевидно, что форма -ар способна передавать такие значения, которые явно указывают на определенный промежуток времени для выполнения «опредмеченного» действия, что в современном турецком языке осуществляется через формы САФ. (формы -dik / -уасак в турецком языке)

2) Может выступать в роли подлежащего (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Балтыгар хотторбута олус кыһылаах. «Очень обидно его поражение перед младшей сестрой».

⁷⁸ Дубровина М.Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках//Вестник. 2012. С 16.

Дьукаахтаһар үчүгэйэ чахчы. «Совместное житье несомненно лучше».

При сравнении функционирований рассматриваемой якутской формы с глагольно-именными формами современного турецкого языка М.Э. Дубровина обнаружила сходство этой формы не только с одним из субстантивно-адъективных форм и причастием, но и с масдаром⁷⁹. В настоящей работе под термином «масдар» понимаются глагольные формы, «служащие средством выражения «опредмеченного» действия, т.е. действия, которое оперативно, при наличии коммуникативной потребности, представляется как предмет»⁸⁰. Использование данной терминологии для обозначения вышеупомянутых форм была предложена в тюркологии В.Г. Гузевым.

3) Может выступать в роли прямого дополнения (функционально тождественна САФ турецкого языка):

Турарга кини баар этэ. «При вставании он присутствовал».

Мин саха тылын билэрбин истибитэ. «Он услышал о том, что я знаю якутский язык».

4) Может выступать в роли косвенного дополнения (функционально тождественна масдару турецкого языка):

Кинилэр саньырга үбрэххэ сыстыахтара. «Они начнут (примкнут) думать и учиться».

Бу ыт утуйары таптыыр. «Эта собака любит спать».

6) Может выступать в роли обстоятельства (в формах косвенных падежей)

Ким хайдах сатырынан кэпсэтэр, билсигэр. «Каждый беседует и знакомится, как умеет».

⁷⁹ Дубровина М.Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках//Вестник. 2012. С 16.

⁸⁰ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2015. 42 с.

2. Форма с показателем - быт

Форма -быт в якутском языке проявляется в разнообразных фонетических вариантах, включающих -быт (-бит, -бут, -бют) после глагольных основ, завершающихся гласными, дифтонгами, -р, -л, -мыт/-мит, -мут/-мют после основ, заканчивающихся на -м, -н, и -нг, а также -пыт/-пит, -пут/-пют после основ с глухими согласными. Рассматриваемая форма также относится к субстантивно-адъективным формам, поскольку, она, как и форма -ар, представляет действие, функционирующее как в образе признака, так и в образе предмета.

I. В атрибутивной функции

1. В качестве определения форма -быт (с агентивным значением).

Форма -быт в определительной функции имеет в основном два значения: 1) обозначает законченное, завершённое действие, т. е. имеет семантику результативности:

Киирбит убунэн уескзэбит хайзаы буелэтэллэр. «Поступившими средствами (деньгами) закрывают образовавшуюся дыру».

2) показывает действие, завершённое до момента речи, безотносительно к давности или недавности его совершения:

Кирибит ун эмп тэрилтэлэригэр бэриллэ. «Поступившие средства (деньги) будут переданы в медицинские учреждения».

Кроме того, форма -быт, как и форма -ар, способна субстантивироваться. Возможность субстантивации также замечена в староуйгурской форме -туў. В этом случае объект, представленный через атрибут, может выступать в качестве источника действия, выраженного

глаголом в форме -быт. О. Н. Бетлингк определял такое использование формы -быт как «в значении агенса»⁸¹.

Бүпүттэр барыаххытын сеп, бүпүттэхтэр хаалабыт. «Окончившие – можете идти, неокончившие – останьтесь».

2) При этом в адъективном употреблении форма -быт без агентивной семы тождественна субстантивно-адъективной форме:

Үөскээбит өтөхтөн, таптыыр кыыстан арахсыы олобо. «Горе разлуки с родным домом, с любимой девушкой».

«Атрибутивная конструкция, в которой в функции определения выступает субстантивно-адъективная форма -быт, допускает наличие связи любого рода между предметом, называемым определяемым и тем действием, которое представлено как его признак. Это делает возможным наряду с определительными конструкциями типа: *танхайбыт баттахтаах эмээхсин* «старуха с поседевшими волосами» (*танхай* - «сесть») употребление без каких-либо залоговых показателей сочетаний, как: *төрөөбүт* дойду «родина, родной край», *төрөөбүт сир* «родная земля» (*төрөө* – «рожать, рождаться»)»⁸².

«Возможно также, что словоформа с показателем -быт также выражает объект через его признак, но при этом выражаемый предмет по отношению к действию, называемому основой глагола в форме -быт, является не субъектом – производителем, а объектом воздействия»⁸³. Данный случай использования субстантивно-адъективной формы также следует относить именно к адъективному ее употреблению и отличать от случаев, когда субстантивно-адъективная форма представляет в качестве предмета само действие, а не его объект.

⁸¹ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 405 с.

⁸² Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 17 с.

⁸³ Там же.

При таком употреблении морфологические признаки словоизменительных категорий могут присутствовать в конечной форме, позволяя ей выполнять синтаксические функции субстантива, включая реализацию в качестве прямого объекта в винительном падеже.

*Көрүң, немец фашистара тугу онор**буттарың**.* «Смотри, что сделали немецкие фашисты».

II. В субстантивной функции

В контексте субстантивного использования, форма с аффиксом -быт воссоздает завершенное действие в образе объекта, причем указание на инициатора данного действия закодировано в морфеме принадлежности в словоформе с показателем -быт.⁸⁴

*Оо, кини уол оҕо төрөө**бут**үгэр төһө үөрдэ этэ?!* «О, как же он радовался тому, что у него родился сын?!»

Однако Г. Филиппов иначе интерпретирует наличие аффикса принадлежности. Исследователь отмечает, что причастные конструкции, оформленные указанным аффиксом, приобретают субстантивное значение в двух сценариях: 1) когда в определительном изафетном предложении опускается определяемое, 2) в том случае, если причастное предложение (сказуемое) употребляется в зависимом положении. Соответственно, Г. Филиппов трактует аффикс принадлежности как составляющий элемент процесса субстантивации причастного сказуемого⁸⁵.

Автор настоящей работы не может согласиться с вышеуказанной точкой зрения, поскольку, согласно ранее приведенным доводам, субстантивно-адъективная форма -быт рассматривается в рамках концепции категории номинализации действия.

⁸⁴ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 17 с.

⁸⁵ Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск, 1999. 18 с.

В высказывании форма с показателем -быт может выступать в синтаксической функции:

1) подлежащего:

*Балтыгар хоттор**бута** олус кыһылаах.* «Очень обидно его поражение перед младшей сестрой».

2) прямого дополнения (в форме винительного падежа):

*...Ылдьаана эмээхсин, билэбин дуо,...оюн... немецтэр киин куораттарын — Берлин илин кирбиитэ буолбут Одер өрүс кытылыгар тиий**битин**?*
«...старуха Ылдана, знаешь ли ты, что твой ребенок, ... подошел к берегам реки Одер, находящейся на восточной границе главного города немцев — Берлина?»⁸⁶

3) косвенного дополнения (в формах косвенных падежей):

*Оо, кини уол оҕо төрөө**бут**үгэр төһө үөрдэ этэ?!* «О, как же он радовался тому, что у него родился сын?!»

4) Обстоятельства (в формах косвенных падежей)

*...Сеня сирэй-хараба тур**бут**уттан сэрэй санаабыта...* «...по выражению Сениного лица («по тому, как Сеня «держал лицо») он понял...»

3. Форма с показателем -ых

В отечественной тюркологии отношение к форме на -ых, которая соотносится с общетюркским аффиксом -асак, неоднозначно. Как известно, В. В. Радлов, Е. И. Убрятова и Е. И. Коркина, которые форму на -ых также сопоставляют с формой на -асак тюркских языков, относят ее к категории причастий, игнорируя в ней полифункциональные особенности,

⁸⁶ Пример взят из диссертации Матушкиной Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 17 с.

выходящие за рамки адъективной функции⁸⁷. Согласно точке зрения О. Н. Бетлингга⁸⁸, вслед за ним и С. В. Ястремского⁸⁹, форма на -ых является отглагольным именем, функционирующий в качестве временной формы. Такие имена, по их мнению, в древнетюркских языках образуются аффиксами на -ах/-ук, -дак/-гук, -гучи, -улух. Согласно точке зрения М.Э. Дубровиной, невозможно не заметить сходство этой формы не только с турецкими причастиями (-уан, -ар), но также с САФ (-dik, -уасак) и масдарами (-так, -та)⁹⁰.

Действительно, форма на -ых, как и другие субстантивно-адъективные формы, может функционировать в субстантивном и адъективном употреблении. В якутском языке субстантивно-адъективная форма на -ых выражает будущее действие, то есть еще не свершившееся к тому моменту, который носителем языка воспринимается как настоящий момент.

Помимо основного значения описываемой формы, «форма -ых в определительной функции имеет следующие смыслы, сопровождаемые модальным оттенком будущего времени»:⁹¹

1. Признак определяемого как возможное, необходимое в будущем действие, которое воспринимается как его потенциальное свойство:

Мае кэрдиэх льон квстцбэтилэр. «Не нашлись люди, которые могли бы рубить дрова».

Ол кэмцэ ецбэ биэриэх Киһи суох этэ. «В то время не было человека, который бы посоветовал».

⁸⁷ Радлов В. В. 1908 С. 43-48; Убрятова Е. И. 1976. 46 с; Коркина Е. И. 1970. 58 с.

⁸⁸ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 327 с.

⁸⁹ Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. Иркутск., 1938. 45 с.

⁹⁰ Дубровина М.Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках//Вестник. 2012. С 17.

⁹¹ Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск, 1999. 26 с.

Опираясь на вышеприведенный пример, нельзя не заметить функциональное сходство с турецкой формой - асак, употребление которого возможно и с агентивным значением:

Yarın sınavı girecek öğrenciler zamanında gelmeli. «Студенты, которые завтра будут сдавать экзамен, должны прийти вовремя».

2. Признак определяемого предмета или лица как его желаемое действие, подразумевающееся как цель (функционально тождественно масдару):

Эйгин кытта кэпезтиэх еанаалаах кэллим «Пришел с намерением, желанием поговорить с тобой.»

3. Признак определяемого предмета или явления как долженствовательное действие воспринимается как обязательное, предрешенное, договоренное или необходимое свойство:

Kihi билиэх еуолун да билбэтэхпин. «Оказывается, я не знал того, что всякий бы мог (должен, обязан) знать».

Этиэх тылы эттиц. «Сказал то слово, которое нужно (надо, необходимо) было сказать».

В субстантивном употреблении данной формы, словоформа с показателем -ых вместе с аффиксами падежами и послелогами участвует в образовании обстоятельственных конструкций с временным значением. Вот несколько примеров подобных конструкций:

- 1) Конструкция –**ыар диэри** (с показателем дательного падежа) имеет значение предела в будущем - «до тех пор пока»

Нинаны бүтүөр диэри немец икки саллааттара тутан турбуттара (ХС, 7)
«Нину, до тех пор, пока он не умер, держали два немецких солдата.»

- 2) Конструкция –**ыар дылы** - «до того, как...»

Колхоз тэриллиэр дылы... (ХС, 16) «До того, как будет образован колхоз...»

3) Конструкция –**ыан иннинэ** имеет обстоятельственное значение предшествования уточняемому событию: - «до того, как...»

Кини армия ынгырыллыан абай иннинэ кэргэнэ Мааппа уол обону төрөппүтэ. (ХС, 7) «До того, как его призвали в армию, его жена Мааппа родила сына».

4. Форма с показателем -дах

Аффикс -дах (-тах) в якутском языке имеет аналоги в других тюркских языках. Так, в языке древнетюркских рунических памятников и современных огузских языках ему соответствует показатель -дук/-дюк, используемый для образования субстантивно-атрибутивных форм. В якутском языке сочетание аффикса отрицательного аспекта с аффиксом -тах образует форму на -батах и полностью соответствует форме -мадук в огузских языках. Сфера употребления данной формы совпадает со сферой использования субстантивно-адъективных форм -быт и -дах. Соответственно, форма -дах, очевидно, тоже не является причастной формой.

Л. Н. Харитонов указывает на то, что форма на -дах в якутском языке существенно отличается от других форм и, что она в значительной степени стала собственно-глагольной формой⁹². Однако существенное отличие выше рассмотренных форм от формы -дах заключается в том, что последняя фактически не используется в своем адъективном значении. «С диахронической точки зрения, субстантивное употребление данной формы указывает на ее склонность к переходу в состав категории имен действия. Если рассматривать данное явление с синхронической точки зрения, то это достаточно спорный вопрос»⁹³. Двойственная функция формы -батах, выражающей как в роли предмета, так

⁹² Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Якутск, 1947. 50 с.

⁹³ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 72 с.

и в роли признака, определяет ее принадлежность к категории субстантивно-атрибутивных форм.

Пример адъективного использования:

Эт-тэх аайы кыыһыр-быта. «Он сердился на все, что говорили».

«Нельзя не отметить, что в адъективном использовании аффикс данной формы в отрицательном статусе может оформлять определение, при этом производитель действия, передаваемого основой глагольной словоформы с показателем *-батах* может как совпадать с предметом, называемым определяемым, как в словосочетании *буспатах мооньобон* «несозревшая смородина», так и не совпадать, как в следующем примере»:⁹⁴

Саллаат утуй-батах түүн-нэр-э. «Бессонные ночи солдата»

В субстантивном употреблении используется преимущественно в синтаксических функциях дополнения (1) или обстоятельства (2):

1) *Таннай армия-ба бар-даҕ-ын утаа-та.* «Сначала он медлил со вступлением в армию.»

2) *Колхозка киирдэбиттэн быһа буруокка үлэлиир.* «Со времени вступления в колхоз он все работает на огороде.»

Форма на *-дах* демонстрирует функциональную многогранность: с одной стороны, она сохраняет свою первоначальную роль показателя дательного падежа притяжательного склонения для субстантивно-атрибутивных форм, с другой - приобретает обстоятельственное значение, свойственное деепричастиям.

⁹⁴ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 72 с.

Глава 3. Деепричастия

3.1. О понятии «деепричастие»

Понимание понятия «деепричастие», как и некоторых других единиц, в современном теоретическом языкознании формируется на базе понятийного аппарата индоевропейских языков, в которых эти морфологические средства представлены довольно бедно. «Все те языковые средства, которые должно было бы принять за деепричастия, например, в немецком, английском или французском языках, вполне могут быть истолкованы как причастия, употребляемые в обстоятельственной функции»⁹⁵, – пишет В. Г. Гузев. Действительно, аналогичные морфологические средства, которые выражали бы деепричастную функцию без адъективных признаков, отсутствуют в индоевропейских языках. Автор настоящей работы разделяет взгляды В. Г. Гузева и считает, что в данных языках либо не прослеживается грань между причастиями и деепричастиями, как, например, в английском языке, либо считается невозможным назвать ту или иную форму полноценным деепричастием, как, например, в немецком и французском языках. Иначе говоря, в упомянутых языках наличествуют глагольно-именные формы, которые, во-первых, наряду с субстантивными и адъективными функциями могут обладать адвербиальной функцией, во-вторых, морфологически сложно отличимы от имен действия. Таким образом, стоит вопрос корректности определения данных образований: трактовать их как многофункциональные формы или как омонимичные.

Согласно точке зрения О.С. Ахмановой, деепричастие представляется как «именное отглагольное образование, объединяемое с системой глагольных форм категориями вида и залога и общностью управления и обозначающее второстепенное добавочное действие, примыкающее к

⁹⁵ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015. 168 с.

главному действию»⁹⁶. Если рассмотреть деепричастные формы на материале русского языка, то здесь, в отличие от вышеупомянутых языков, морфологические средства ярко выделяются как особые формы. В современном русском языке продуктивными средствами, образующими деепричастия, являются суффиксы - а,-я (например, «гуляя», «отвечая», «крича») и суффиксы -в(ши) (например, «скрыв», «прогулявшись», «сделав»), при присоединении которых образуется «добавочное действие» к основному глаголу. Такая традиционная интерпретация деепричастных форм способствует выявлению функциональной сущности деепричастий в качестве грамматических форм, позволяющих говорящему представить действие как обстоятельство с целью уточнения другого действия, функционирующего в роли обстоятельственного уточняемого. Против определения деепричастия как «побочного, добавочного» действия выступает в своей монографии, посвященной деепричастным формам якутского языка Е.И. Коркина: «Действия, выраженные деепричастиями, по своей объективной значимости могут быть такими же важными и полноценными, как и действия, выраженные личными формами глагола или, во всяком случае, равноценными им»⁹⁷.

Нельзя не упомянуть и точку зрения В.В. Виноградова, согласно которому деепричастия представляют собой гибридную форму глагола, которая содержит значения глагола и наречия⁹⁸. Из данной трактовки следует, что ученый относит деепричастия к гибридной наречно-глагольной категории и рассматривает их в составе наречий. Положения, в которых В. В. Виноградов ясно выразил сущностные свойства деепричастия, следующие: 1) быть адвербиальной формой глагола, т.е. обозначать действие, воспринимаемое коммуникантом как обстоятельство, при котором совершается другое действие; 2) способность при необходимости к

⁹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 125 с.

⁹⁷ Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 13 с.

⁹⁸ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 1972. 308 с.

лексикализации и пополнению класса наречных лексем. Автор настоящей работы не может не согласиться с изложенным мнением, однако для полного понимания понятия «деепричастие» будет целесообразно упомянуть трактовку, предложенную В.Г. Гузевым, которая отражает сущность деепричастий в полной мере: «категория деепричастий представляет собой совокупность форм, объединяемых однородными значениями обстоятельств, в качестве которых выступают действия, или, иными словами, действий, окказионально представляемых в виде разного рода обстоятельств»⁹⁹. Иначе говоря, важным является то, что «действие, выраженное деепричастием, представляется говорящим в образе действия»¹⁰⁰. Итак, первое важное заключение, которое нужно сделать: под деепричастием, прежде всего, понимается некая глагольная форма, функционирующая как действие-обстоятельство.

Более того, следует отметить, что многочисленные глагольные формы, входящие в категорию деепричастия, лишены агентивной семы, а некоторые из этих форм имеют временную сему. Однако важно отметить, что в значении таких форм «время протекания действия, называемого основой деепричастия, соотносится со временем протекания действия, выражаемого исходными основами глаголов, выступающих в функции уточняемого»¹⁰¹. Финитные формы всегда обладают временными семами, в то время, как в деепричастиях абсолютных временных значений, скорее всего, нет, т.е. нет таких значений, которые указывали бы на отношение действия с определенным периодом времени¹⁰². В соответствии с этим, временные семы указывают на действие, либо совершаемое одновременно с уточняемым

⁹⁹ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб: Санкт-Петербургский университет, 2015. 126 с.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 91 с.

¹⁰² Там же.

действием, либо предшествующее ему или следующее за ним¹⁰³. Только самая небольшая часть деепричастий имеют временные значения, которые в целом должны быть охарактеризованы как таксисная семантика.

Впервые понятие «таксис» описал Л. Блумфилд (1887-1949) и трактовал этот термин как связь двух явлений друг с другом (ранее принятый в лингвистической среде термин «order» был заменен Р. Якобсоном (1896-1982) на термин «таксис»). Согласно точке зрения Р. Якобсона, «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения»¹⁰⁴.

Ниже представлены важнейшие критерии, согласно которым морфологическую форму следует относить к деепричастиям.

«Как было сказано ранее, прежде всего, необходимо, чтобы данное образование представляло собой глагольную форму, представляющую действие-обстоятельство. Согласно распространенному мнению среди ученых, деепричастия в турецком языке не выступают в роли финитных форм глагола»¹⁰⁵. «Основанием для отнесения перечисленных ниже отглагольных форм к деепричастиям служит то обстоятельство, что, совмещая в себе признаки глагола и наречия, они не образуют финитных форм глагола, т.е. не спрягаются»¹⁰⁶. Однако нельзя в полной мере согласиться с изложенной выше точкой зрения, т.к. в языке также встречаются ситуации, когда обстоятельственные формы выражают лицо, например *birkaç gittim gitmedim, karşıma ablam çıktı* «только сделала пару шагов, как навстречу вышла моя сестра». Исходя из этого примера, можно сделать вывод, что «если образования, являющиеся спрягаемыми финитными

¹⁰³ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 91 с.

¹⁰⁴ Р.О. Якобсон. Шифреты. Глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.

¹⁰⁵ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 91 с.

¹⁰⁶ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Академия наук СССР, 1956. 474 с.

формами с обстоятельственными значениями, мы считаем деепричастиями, то, следуя той же логике, необходимо признавать таковыми и спрягаемые синтетические образования с аффиксами принадлежности (-DIğIndA "когда ...", -DIğIndAn "из-за того, что ..." и др.)»¹⁰⁷. Таким образом, деепричастие действительно может выступать в роли сказуемого в придаточном предложении. Это подтверждает точку зрения некоторых исследователей, считающих, что формы, выражающие действие как объект, могут вводить придаточные предложения. Важно отметить, что это справедливо только для финитных форм, то есть форм, которые выражают связь между явлениями реальности, воспринимаемую как субъектно-предикатную. Не все деепричастия являются финитными формами, хотя многие из них в агглютинативных языках могут выражать лицо. В других подкатегориях, выражающих действие как объект, финитные формы отсутствуют.

Вторым критерием для обозначения того или иного образования деепричастием являются ситуации, когда последние имеют значения, не являющиеся синтезом сем его составляющих. «Если такое образование состоит из какой-либо глагольно-именной формы и знаменательной лексемы, утратившей в составе конструкции свое собственное знаменательное значение и продолжающей существовать в ней лишь как морфологическое средство, то это образование необходимо считать деепричастием (-dİğİ takdirde / surette, -mAklA beraber / birlikte)»¹⁰⁸. В подобных образованиях вторые компоненты лишены своего собственного значения и не связаны со значением условия.

Таким образом, резюмируя все выше сказанное, нельзя не упомянуть точку зрения О. Ёылмаз, которая наряду с В. Г. Гузевым, предложила полное, по мнению автору настоящей работы, определение термина

¹⁰⁷ Дениз-Ёылмаз О. Категорич номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 93 с.

¹⁰⁸ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб.гос. ун-та, 2015. 129 с.

«деепричастие»: «деепричастие — это глагольная форма, представляющая действие в образе одного из следующих таксисных обстоятельственных значений: образа действия, объекта сопоставления (включая сравнение), объекта уподобления, того или иного обстоятельства времени, причины, следствия, противительности, уступительности, заместительности, условия, цели и др., и способная быть как нефинитной, так и спрягаемой или неспрягаемой финитной формой»¹⁰⁹.

Категория деепричастий является употребительной и многочисленной, соответственно, в якутском языке насчитывается большое число морфологических средств. В настоящей работе представляется целесообразным ограничиться описанием лишь производных (первичных) форм, которые в той или иной степени раскроют сущность деепричастий: 1) -ан; 2) -а-ыы; 3) -ымына; 4) -аары; 5) -ымаары; 6) -аат.

Ниже предпринимается попытка рассмотреть вышеперечисленные формы на основе изложенных выше структурных принципов, положений вместе с их значениями.

3.2. Деепричастные формы турецкого языка

1. Деепричастия -(y)İp и -(y)ArAk

Исследователи неоднократно пытались выявить семантическую разницу между деепричастиями -(y)İp и -(y)ArAk, которым свойственна высокая употребительность в турецком языке. Чаще всего утверждалось, что форма -(y)İp называет действие-обстоятельство, которое лишь предшествует уточняемому действию. Ошибочность этой точки зрения была показана уже А.Н. Кононовым: «Действие, происходящее одновременно и параллельно

¹⁰⁹ Дениз-Йылмаз О. Категории номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 97 с.

действию, выраженному в главном сказуемом, т.е. в данном случае деепричастие на -(y)İr обозначает однородное сказуемое»¹¹⁰. С использованием нижеприведенного примера автор настоящей работы подчеркивает справедливость слов вышеупомянутого исследователя: *Bir müddet odanın ortasında ayakta durup bekledi.* (S.A. КММ. 49.) «Некоторое время он стоял посреди комнаты и ждал».

Отличительную черту между вышеупомянутыми деепричастиями впервые, как представляется, удалось установить и сформулировать С. Н. Иванову. По его мнению, «Основное различие между формами -ır и -arak состоит в том, что первая обозначает действие, однородное с действием, выраженным основной глагольной формой, семантически и синтаксически тяготеющее к нему, тогда как вторая обозначает действие, неоднородное с действием, выраженным основной глагольной формой. При употреблении формы -ır говорящий не отмечает отличий действия, выраженного деепричастной формой, от основного действия; при использовании формы -arak оказываются акцентированными именно отличия действия, выраженного ею, от действия основной глагольной формы»¹¹¹.

Annesi bu eski albümü elime verirken, geri getirmeyi sakın unutma, diyor çünkü oğlumdan kalan tek şey bu. (Z.L. Н. 23.) «Когда его мать отдает мне этот старый альбом, она говорит: «Не забудь вернуть его, потому что это все, что осталось от моего сына»».

Anası tavşanı bir güzelce pişirip oğlunun ilk avına amcalarını çağırdı (Y.K. YÖ. 26) «Его мать хорошо приготовила кролика и позвала дядю на первую охоту за сыном».

Как вытекает из выше приведенных примеров, можно сделать следующее заключение: деепричастие -(y)İr указывает на «однородность,

¹¹⁰ Кононов. А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Ленинград: Академия наук СССР, 1956. 474 с.

¹¹¹ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. Ленинград: Ленинградский университет, 1977. 74 с.

тесную сопряженность, гомогенность, а деепричастие -(y)ArAk разнородность, разобщенность, гетерогенность взаимосвязанных действий.»¹¹² «Это проявляется, прежде всего, в возможности значительного распространения деепричастия зависимыми словами, - пишет С.Н. Иванов, - когда действие показано расчлененно и развёрнуто, а не «протоколно», как при деепричастии -

Исследователь Н.К. Дмитриев подчёркивает, что вышеуказанные особенности функционирования деепричастия -(y)ArAk указывают только на наиболее яркие синтаксические отличия от формы -(y)Ip. На примере приведенного материала отражены закономерности синтаксического употребления формы -(y)ArAk.

Турецкая исследовательница также пишет: «Деепричастие -(y)Ip, в отличие от других обстоятельственных форм, в особенности от формы -(y)ArAk, которая очень близка к ней с точки зрения смысловых и синтаксических функций и также имеет значение обстоятельства образа действия, в силу отвлеченности своего собственного значения на практике может передавать разнообразные обстоятельства – образа действия, времени, причины, условия, или одновременно несколько обстоятельств, оно способно выражать в качестве смыслов самые различные отношения между действиями»¹¹³. Данное деепричастие может выражать как подчинительные, так и сочинительные связи между уточняемым и уточняющим действиями.

По мнению С.Н. Иванова, наиболее отчетливо сопряженность действия, называемого основой деепричастия -(y)Ip, с уточняемой основой проявляется в парных (1) сочетаниях, в число которых ученый включает также альтернативные конструкции (2)¹¹⁴.

¹¹² Дениз-Йылмаз О. Категорич номинализации действия в турецком языке. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. 97 с.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики.2. Ленинград: Ленинградский университет, 1977. 74 с.

1. *Sanki İstanbulda plazadan plazaya koşturan, trafikte **takılıp kalan**, dolmuşlara, otobüslere, metrolara soluk soluğa yetişmeye çalışan ben.* (Z.L. H.22.) «Как будто я – это тот, кто бежит от площади к площади в Стамбуле, кто **застрял** в пробке, пытался догнать маршрутки, автобусы, метро».

*Yaa öyle, ben de senin gibi şaşırđım önce, hiçbir anlam veremedim ama **sorup soruşturmadım.*** (Z.L. H.40.) «Да, я был так же удивлен, как и ты, но я не придал никакого значения и ничего не спросил».

2. *Onun randevuuya gidip gitmeyeceğini nasıl öğrenebiliriz ki... (информант)* «Да и как мы сможем узнать, пойдет он на эту встречу или нет...»

Кроме того, нельзя не отметить, что часто показатель отрицания, который содержится в составе уточняемого, относится и к деепричастию. Например,

Ayrılırken bir kere olsun arkama dönüp bakmadın. (информант) «Когда мы расставались, ты ни разу **не повернулся** и не посмотрел на меня».

Нередко встречаются сложновербальные формы, в которых деепричастие -(y)İp лишается своего лексического значения. Например,

Varlıklı bir nişanlıyı bırakıp da bunun bir şeytan işi, bir büyü olduğunu anlatıp durdu. (Z.L. H.36.) «**Бросив** такого красивого, богатого парня, она продолжала говорить, что это всёделки дьявола и заклинания».

В связи с тем, что понятие обстоятельства образа действия ассоциируется обычно с понятием одновременности сопутствующего и основного действий, следует особо подчеркнуть, что такое представление не имеет опоры в фактах, касающихся использования деепричастия -(y)ArAk: это деепричастие, как и форма - (y)İp, грамматически не содержит в себе ни значения одновременности, ни значения предшествования, и его семантика

сводится к обозначению действия, синтаксически связанного с основным, но семантически самостоятельного. Здесь будет целесообразно вспомнить мысль С.Н. Иванова: «поскольку же деепричастие *-arak* обладает способностью красочного, «картинного» выражения сопутствующего действия, оно может употребляться во всех тех случаях, когда и независимо от степени его распространения требуется акцентировать «живописность» второстепенного действия и его семантическую несливаемость, несмыкаемость с основным действием».

2. Деепричастие *-(y)A*

Деепричастная форма *-(y)A*, которое этимологически обнаруживается в ряде современных глагольных категорий (в частности, в формах статуса *-(y)AmA*, *-(y)Abil*, в современном языке функционирует в удвоенном, или в парном виде. Оно является частичным синонимом деепричастий *-(y)Ip* и *-(y)ArAk*, но отличается от них наличием сем интенсивности, длительности, повторяемости действия и не имеет временных сем.

В противоположность этому, удвоенное или парное употребление этого деепричастия стало продуктивным и производительным, можно даже сказать, что форма стала употребляться только реплицировано. Деепричастие *-(y)A* может образовываться путем повторения одной и той же глагольной основы или оформлять две различные глагольные основы с близким или противоположным значением:

1. Удвоенное употребление этой формы

Ben de korka korka yanında gidiyor ve susuyordum. (S.A. KMM. 138.) «А я **в страхе (боясь-боясь)** шел рядом с нею и молчал».

Следует отметить, что при образовании такого деепричастия от фразеологизмов и сложных глаголов, образованных от имен

существительных и вспомогательных глаголов (etmek, olmak и т.д.) повторяется только вспомогательный глагол в деепричастной форме:

2. Парное употребление этого деепричастия

*Çekine utana kıza çok aşık olduğunu sonunda itiraf etti. (информант) «**Сильно стесняясь**, он наконец-то признался в любви девушке».*

Указанные формы, выражающие значения одновременности действия, соответствуют двум временным формам глагола, по-разному представляющим действие, относящееся к настоящему времени. Деепричастие -(ar)ken выражает действие, на временном фоне которого совершается действие финитной формы. Более того, оно согласуется с формой -uyor, выражающее длящееся действие.

Данная деепричастная форма имеет потенциальную возможность отрицательной формы типа -mazken. Однако, в современном турецком языке эта форма не употребительна.

Также данное деепричастие передает:

1. Постепенность совершения действия – «по мере того как»

*O huyu hiç değişmedi, hatta büyüdü**ğ**ü**ç**ü**ç**e merhamet duygusu daha da arttı. (Z.L. H. 33.) «Его поведение никогда не менялась, и **по мере того, как он вырос** чувство сострадания становилось все больше и больше».*

2. Регулярно совершающееся действие, выражение многократности:

*Böylece yed**ik**ç**e** kanar, kanad**ık**ç**a** yer, bir türlü kendi kanına doyamaz ve engel olunmazsa kan kaybından ölür deve. (Z.L. H. 46.) «Таким образом, **когда он ест**, то кровоточит, **когда кровоточит**, то ест, он никак не может насытиться собственной кровью, и если его не остановить, он умрет верблюд от потери крови».*

3. Данная деепричастная (а) форма также передает временную

связь между двумя действиями. Кроме того, если деепричастие

содержит отрицательное (б) значение, то действие выражает временную связь: «пока не»

а. *Ben var oldudukça, senin saçına zarar bile gelmesine izin vermem.* (информант)

«Пока я жив, я не позволю навредить даже твоему волоску».

б. *Derslerimi bitirmedikçe (b) hiç bir yere çıkmayacağım.* (информант) «Пока я не закончу делать уроки, я никуда не выйду».

С.Н. Иванов также отмечает некое своеобразное смещение: деепричастие -(ar)ken, семантически соотносимое с формой -уог, исторически родственно форме -ar, а деепричастие -dikça³, семантически соотносится с формой -ar, представляет собой аффиксацию причастия -dik, которое в плане времени связано с формами -уог n -d1»¹¹⁵.

3. Деепричастия -ınca и -alı

«Противопоставление форм -ınca и -alı представляет собою параллель в сфере деепричастий противоположению форм прошедшего времени со значением недавнего (-d1, -yordu) и давнего (-mişti) действий»¹¹⁶.

Форма -ınca выражает действие, которое предшествует основному глаголу, выраженному финитной формой, но без связи с ним:

Примеры:

Raif Efendinin yattığı odaya girince büsbütün şaşardım. «Я совершенно растерялся, как только вошел в комнату, где лежал Раиф-бей». (S.A. KMM. 246.)

Maria başını çevirip beni görünce, hemen gülümsedi. (S.A. KMM. 97.) «Как только Мария повернула голову и увидела меня, она тут же улыбнулась».

Деепричастная форма -alı представляет действие, являющееся начальной временной точкой для действия, выраженного основной

¹¹⁵ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. 2. Ленинград: Ленинградский университет, 1977. 78 с.

¹¹⁶ Там же.

глагольной формой. Как отмечает А.Н. Кононов, «это деепричастие входит в состав предложения на правах второстепенного члена предложения (развернутое обстоятельство времени):

*Arkadaşım şu dünyaya **gitti gideli** 27 yıl olmuştu.* (информант) «Прошло 27 лет с тех пор как мой друг **покинул** этот мир».

4. Деепричастия -*madan* и -*maksızın*

Продуктивные и синонимичные деепричастия -*madan* и -*maksızın* – это глагольные формы, которые функционируют в роли обстоятельства образа действия и обладающие в своем значении отрицательную семантику, которая указывает на отсутствие действия-обстоятельства, что, в свою очередь, позволяет выражать следующие узуальные смыслы:

1. «Не совершая чего-либо»:

*Beş gün sonra bir sabah ben kalk**madan** yatak odama İhsan geldi.* (Н.Е.А. АГ. 35.) Через пять дней как-то утром, **прежде чем я встал**, в мою спальню пришла Ихсан. (ситуация употребления деепричастной формы -*mAdAn*)

*Herkes Cemal ve İhsana garip garip bakıyor, yüzlerinin şekli bozul**maksızın** acı ve muzaffer...* (Н.Е.А. АГ. 35.) Все смотрели странно смотрели на Джемалю и Ихсана, по выражению лицо **невозмутимо** отражало боль и победу...» (ситуация употребления деепричастной формы -*mAksızın*)

2. Уточняемое действие, выраженное финитной формой, совершается раньше действия-обстоятельства (-*mAdAn*):

*Mezarların başında, ne yapacağını bil**meden** tuhaf bir duyguyla beş altı dakika durdu.* (Z.L. Н. 31.) «Он стоял у могил пять-шесть минут со странным чувством, **не зная**, что делать».

3.3. Деепричастные формы якутского языка

1. Деепричастие -ан/н

В тюркских языках прослеживается параллель между деепричастием -ан в якутском и формой с аффиксом -ып/-п. Эта форма является высоко продуктивной и широко используемой в языковой практике.

Наиболее распространенное значение этой формы - представление действия в виде обстоятельства. Благодаря наличию у данной формы столь общего значения, возможна передача многообразных конкретных смыслов, которые можно классифицировать на два основных типа в зависимости от того, воспринимается ли действие, представляемое в образе обстоятельства, как одновременное (1) с действием основного глагола или предшествующее (2) ему:

1. Форма, используемая для представления в виде обстоятельства действия, сопутствующего уточняемому событию:

Эһиги курдук истин кууһан сытыам суоҕа – ылл-ыам! (ХС 10) «Я не стану как вы лежать, схватившись за свой живот – Я буду петь!»

Из приведенного примера видно, что сопутствующее действие функционирует в виде обстоятельства образа действия, а деятели обоих действий, как правило, совпадают.

2. Форма, используемая для представления в виде обстоятельства действия, предшествует действию уточняемого:

Дьиэлээх киһи таһырдыа тахсан, ампаартан муус уутун биэдэрэбэ кутан дьиэбэ киллэрдэ уонна чаанньыгы уунан толорон, оргутаары уокка холбоото. (ККК). «Хозяин вышел наружу, налил в ведро ледяную воду из амбара, занес в дом и, наполнив водой чайник, поставил на огонь, чтобы вскипятить».

Считается, что форма -ан чаще используется для передачи именно этого смысла.¹¹⁷

Для того, чтобы отметить последовательность действий, представленных в качестве обстоятельства, выраженного деепричастной формой -ан и уточняемого действия, употребляется конструкция -ан баран. Указание на широкое распространение данной конструкции как средства выделения «расстояние во времени» было отмечено еще в работах О. Н. Бетлингк¹¹⁸. «Конструкция, представляющая собой действие, называемое уточняемым, которое непосредственно следует за действием, называемым обстоятельством, в качестве дополнительной семы может указывать на то, что уточняемое действие воспринимается как следствие, реакция на действие, интерпретируемое как обстоятельство»¹¹⁹:

Начаалынньык Сеня кэпсээнин истэн баран, дьуһуурунайы ыгырбыта. (ХС, 18) «Начальник, выслушав Сенин рассказ, вызвал дежурного».

Деепричастная форма -ан, используемая для описания последовательных событий, может передавать причинно-следственные отношения. Помимо указания на порядок событий, она может выражать причину и следствие: действие, описанное деепричастием, воспринимается как результат или следствие события, описанного в главном предложении:

Мин үөрэх аһыллан интернакка олоро барбытым. «Поскольку в то лето трава довольно хорошо выросла, мы неплохо наготовили сена».

Указанная форма также функционирует в редуцированной форме, при этом помимо выражения последовательности событий, в ней заключена информация о длительности, частоте и интенсивности осуществляемого

¹¹⁷ Убрятова Е.И. Грамматика современного литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. 241 с.

¹¹⁸ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 412 с.

¹¹⁹ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 106 с.

действия, определенного как обстоятельство. Примером использования такой конструкции может служить следующее: *көрдөөн-көрдөөн дэ буллубут* «после длительного и упорного поиска было обнаружено».

Кроме того, описываемая форма также может функционировать в парном виде, где глаголы являются синонимичными. «Подобное функционирование указывает на интенсивность действия, глаголы-синонимы как бы дополняют значение друг друга. При этом действия - обстоятельства могут передавать два состояния: предшествовать уточняемому событию или совпадать с ним»¹²⁰.

Зверев С.А. бу аар тайҕаҕа кини үйэтин улахан ангарын бултаан - алтаан, ыллаан - туойан, отун- маһын кытта кэпсэтиһэн сырыттаҕа. (АТАӨ, 18)
«Зверев С.А. ... большую часть своей жизни он бродил по этой священной тайге, охотясь и промышляя, воспевая и восхваляя (ее) и разговаривая с растениями».

Анализируя деепричастие -ан важно уделить особое внимание его способности принимать личные показатели. Эта особенность отличает все деепричастия в якутском языке от других тюркских языков. Согласно О.Н. Бетлингку, происхождение данной формы интерпретирует как некий результат исторической трансформации этой формы от причастия, о чем свидетельствуют спорадически встречающиеся случаи употребления данной формы в функции определения: *көрдөрөн агитация* «наглядная агитация»¹²¹.

«Поскольку многие якутские деепричастия действительно могут присоединять личные аффиксы, исследователи нередко рассматривают их

¹²⁰ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 108 с.

¹²¹ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 413 с.

как формы с ограниченным значением»¹²². В то время как в тюркском языкознании не допускается смешивание личных форм и финитных форм, подобное отождествление наблюдается в индоевропейской языковой среде. Анализируя якутские деепричастия нельзя не согласиться со следующим утверждением Е.И. Коркиной: «Тем не менее, способность якутских деепричастий изменяться по лицам не может быть приравнена к спряжению личных форм глагола. Так, деепричастия в якутском языке не способны выражать абсолютные временные значения, подобно личным формам глагола»¹²³. Помимо этого, указание на производителя действия при помощи личных показателей для деепричастных форм является факультативным, что не характерно для финитных форм якутского языка, которые не употребляются без личных аффиксов.

2. Деепричастие -а/-ыы

Деепричастная форма -а/-ыы, восходящая к общетюркской форме, наблюдается как в современных тюркских языках, так и в древнетюркских языках. Во многих тюркских языках эта форма образуется с помощью аффиксов -а, -е и -й. Однако в большинстве современных тюркских языков она «не выступает как активное деепричастие»¹²⁴. «В качестве отрицательной формы к деепричастию на -а/-ын используются те же формы, что и к деепричастию на -ан, т.е. формы на -бакка и -ымына. Аналогичное явление наблюдается в других тюркских языках, в которых в качестве отрицательной формы деепричастий на -ып/п, -а-е, -й употребляется единая форма на -май/-мей, которая исторически является отрицательной формой деепричастия на -ае, -й. е»¹²⁵.

¹²² Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. 109 с.

¹²³ Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука. 12 с.

¹²⁴ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Либроком, 2010. 228 с.

¹²⁵ Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука. 31 с.

В якутском языке описываемое деепричастие проявляет себя как продуктивная и широко используемая форма, способная образовывать деепричастия от любых глагольных основ. Подобно деепричастию -ан, форма -а/-ыы может присоединять личные показатели.

Кроме того, данное деепричастие выражает действие в виде обстоятельства образа действия. «Значение ее, при этом, по всей видимости, лишено временной семы, поскольку время протекания действия, выраженного основой уточняющего, может, как совпадать со временем протекания уточняемого действия, так и следовать за ним»¹²⁶. Однако, согласно точке зрения О.Н. Бетлингк встречаются случаи употребления, когда действие, представляемое в виде обстоятельства, предшествует во времени действию, называемому глаголом в функции уточняемого:

Киннэр исэ исэ аттыларыгар олорор кисиэхэ биэрэллэр. «Как только они выпьют, передают они (кубок) сидящему возле них человеку».

«Кроме того, описываемая форма, как деепричастие -ап/п может функционировать в речи в одинарном или парном виде. Здесь же нельзя не упомянуть ее способность реализовываться в аналитических конструкциях категории аспектуальности»¹²⁷.

Наряду с другими деепричастными формами в речи форма -а передает немало конкретных сем. В частности:

1) Способность передавать действие, происходящее параллельно с уточняемым событием, в виде обстоятельства образа действия: Кыыс дьонун мичээрдии көрүстэ «Девушка встретила своих улыбаясь».

2) Способность деепричастной формы -а выражать действие в виде обстоятельства цели:

¹²⁶ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та., 2013. 113 с.

¹²⁷ Там же.

Дьон олобун алдьата кэлбит немецтери көрдүү сүүрэн испитэ. (ХС, 7)
«Теперь он продолжал бежать, чтобы найти немецких солдат, которые пришли ломать жизни людей».

Анализ примера демонстрирует, что действие, выраженное деепричастной формой, представляется как последующее по отношению к действию, выраженному в главном предложении. При этом оно либо служит целью последнего, либо является его непосредственным следствием. О.Н. Бетлингк, называя этот феномен «герундием будущего времени», полагал, что это его основное значение.¹²⁸ Однако, логично предположить, что сама форма не несет информацию о временных рамках выполнения действия. Смыслы последовательности или следования следует рассматривать как возможные семы, входящие в состав более сложного значения деепричастной формы.¹²⁹

3) Способность деепричастной формы -а функционировать в редуцированном виде:

Бөх кыратык хамсы-хамсы үллэнгээбитэ. (ХС, 6) «Комок, потихоньку ворочаясь, стал подниматься».

В этом случае описываемая форма указывает как на повторность или многократность, так и длительность действия. Согласно точке зрения Е.И. Коркиной, употребление формы -а в парном виде существенно чаще, чем в одинарном, где, как правило, она выступает в составе аналитических конструкций¹³⁰. Однако в случае парного употребления данное деепричастие может присоединять личные формы.

Сравнительный анализ деепричастных форм -ан и -а выявляет частичное совпадение их значений. Обе формы могут выражать

¹²⁸ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 413 с.

¹²⁹ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та., 2013. 115 с.

¹³⁰ Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука. 31 с.

обстоятельство образа действия, описывая действие, происходящее одновременно с уточняемым действием. Тем не менее, наблюдается расхождение в значения данных форм. Это различие выделил В.В. Радлов, назвав форму –ан «деепричастием связи» (das Gerundium der Verbindung), а форму –а «деепричастием слияния» (das Gerundium der Verschmelzung), которое «выражает взаимное слияние двух действий»¹³¹. «Действительно, форма –ан передает чаще однородные, гомогенные действия, совершаемые одновременно или друг за другом, тогда как форма –а скорее служит для такого уточнения действия, при котором действие-обстоятельство сливается с уточняемым, при этом вся обстоятельственная конструкция передает одно событие, одну картину»¹³².

3. Деепричастие -аат

Деепричастие -аат является продуктивной и употребительной формой в якутском языке. Ряд ученых, изучающих якутский язык, возводят этот аффикс к монгольским деепричастным аффиксом -аад, тогда как другие исследователи рассматривают его вместе с тюркским деепричастным аффиксом -бач. В случае, когда Бетлингк и Ястремский представили лишь сопоставления якутского деепричастия -аат с монгольским и тюркским, Радлов и последующие за ним исследователи, в частности Н. Н. Поппе, категорически высказались в пользу монгольского происхождения данного деепричастия. Радлов обосновывал невозможность вывода якутского деепричастия -аат из тюркского деепричастия -бач/-гач тем, что первоначальное -б/-г данного аффикса в якутском языке преобразуется в долгую гласную, и конечное ч в данном аффиксе меняется на с, что приводит к образованию формы -ас/-ас.-ас¹³³.

¹³¹ Radloff. W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. С. 41-42.

¹³² Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петербург. Ун-та., 2013. 116 с.

¹³³ Radloff. W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. СПб., 1908.

Деепричастие с аффиксом -аат выражает действие, которое осуществляется непосредственно перед основным уточняемым действием.

Кроме того, данная форма не способна маркировать лицо, а производитель действия, выраженного глаголом в форме деепричастия на -аат либо соотносится с агенсом выраженного основным глаголом (1), либо не соотносится(2):

(1) *Сеня икки сүүсчэ хаамыыны барааат, эргийэн заставаба кэлэн начаалынньыгы ыйыппыта.* (ХС, 18) «Как только Сеня прошел около двухсот шагов, он повернул назад, добрался до заставы и спросил начальника».

(2) *Киргилэй ону көрөөт, куйахата ытырбахтаан ылбыта.* (ХС, 7) «Как только Киргилей увидел это, у него волосы встали дыбом (дословно – кожа головы сжалась)».

Важно отметить следующее: «если агенс действия, выраженный деепричастием, не совпадает с производителем действия, выраженного финитной формой глагола, то деепричастие на -аат может функционировать в конструкциях с послелогоми -кытта или -кытары, присоединяя показатель родительного падежа в лично-притяжательной форме, как и рассмотренные выше субстантивно-адъективные формы»¹³⁴. Возможность применения этой формы -аат в подобных конструкциях, по мнению Е.И. Убрятовой, объясняется ее происхождением от причастия.¹³⁵

Ааны аһааккын кытта, уорааннаах салгын уолугун үүтүнэн киирэр. «Как только ты открываешь дверь, холодный воздух проникает через твою грудь».

4. Деепричастие –ымына

¹³⁴ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та., 2013. 113 с.

¹³⁵ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ленинград: Академия наук СССР, 1950. 315 с.

Деепричастие с аффиксом -ымына в тюркских языках представляет собой отрицательную форму деепричастий с аффиксами -ан и -а¹³⁶. Хотя некоторые лингвисты, такие как О.Н. Бетлингк, не выделяли -ымына как самостоятельную форму, рассматривая ее как отрицательную вариацию -ан, эта форма обладает некоторыми особенностями. Деепричастие -ымына выражает отрицание действия, указывая на отсутствие обстоятельства. Подобно деепричастиям -ан и -а, оно может принимать маркеры лица. Временные значения деепричастия -ымына менее четко выражены, чем у других деепричастных форм. Оно может описывать как действие, предшествующее основному событию, так и действие, происходящее одновременно с ним.

Деепричастие -ымына представляет собой обстоятельство образа действия и обстоятельство, указывающее на причину:

1. Действие, лежащее в основе обстоятельства, представлено в форме обстоятельства образа действия и уточняет событие, на которое направлен обстоятельственный атрибут.

*Эн тутуллүмүна аттан, бар чынха собуруу*¹³⁷. «Ты отправляйся, не задерживаясь, езжай прямо на юг».

2. Действие, называемое основой обстоятельства, указывает на причину события, называемого основой обстоятельственного уточняемого:

*Эниги кэлиминэбит, мунняхпытын көһөрдүлэр*¹³⁸. «Поскольку вы не явились, наше собрание перенесли».

5. Деепричастие -аары

¹³⁶ Убрятова Е.И. Грамматика современного литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. 248 с

¹³⁷ Пример взят диссертации Матушкиной Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та., 2013. 193 с.

¹³⁸ Пример взят из диссертации Матушкиной Н.А. Там же.

Форма деепричастия -аары (в отрицательной форме: -ымаары) выражает обстоятельство цели. «Рассматриваемая деепричастная форма рассматривается в качестве мотивации или цели для другого действия, функционирующее в качестве обстоятельственного уточняемого»¹³⁹. Наряду с учеными Бетлингком, Радловым и Ястремским, которые называли данную форму супином, Л.Н. Харитонов также интерпретировал данную форму как «деепричастие будущего времени»¹⁴⁰.

Арбаа Европаны эргийэ айаннаары кэллибит. «Мы приехали, чтобы путешествовать вокруг Западной Европы».

¹³⁹ Матушкина Н.А. Категория номинализации действия в агглютинативных языках (на материале якутского, халха-монгольского и эвенкийского). СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та., 2013. 118 с.

¹⁴⁰ Убрятова Е.И. Грамматика современного литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. 249 с.

Заключение

В работе проведен функционально-семантический анализ глагольных именных форм в якутском и турецком языках. Были исследованы адвербиальные и субстантивно-адъективные глагольные формы.

В рамках исследования автор ставил перед собой следующие задачи:

1. Разработка теоретической основы для комплексного изучения выбранной темы;
2. Проведение анализа глагольных имен в якутском и турецком языках;
3. Изучение достижений лингвистики языков агглютинативного строя и адаптация их принципов к другим языкам для общелингвистического анализа;
4. Определение соответствий между функциями и значениями глагольных имен каждой категории.

В результате проведенного исследования достигнуты поставленные цели и решены задачи. Был проведен сравнительный анализ глагольных имен в якутском и турецком языках, включающий выявление и сопоставление структур глагольно-именных категорий, их функционирования, значений и синтаксических функций. На основе полученных данных были сделан ряд существенных практических и теоретических выводов:

1. Исследуемые агглютинативные языки демонстрируют высокую степень развития категории номинализации действия, характеризующейся многообразием и сложностью структуры. Функциональное назначение форм данной категории заключается в репрезентации действия посредством грамматических значений, характерных для именных лексем. Словоизменительная природа

категории номинализации действия выступает ее неотъемлемым свойством.

2. Идентификация формы как глагольно-именной требует применения функционально-семантического подхода, ориентированного на анализ функций и семантических свойств формы. Ориентация исключительно на морфологические признаки может привести к некорректным выводам. Так, например, наблюдается недостаточная дифференциация сложных аналитических форм и причастий в работах некоторых исследователей. Аналогичная ситуация складывается с субстантивно-адъективной формой якутского языка, которая не идентифицируется как причастие в силу морфологической омонимии с формой изъявительного наклонения.
3. Анализ форм с обстоятельственным значением указывает на необходимость пересмотра традиционного представления о деепричастии в отечественном языкознании. Это даст возможность включить в состав деепричастных форм определенные финитные формы с обстоятельственным значением, а также особые лексико-морфологические средства языка, которые связаны с окказиональной адвербиализацией (обстоятельственные конструкции) на основе общности их функций и коммуникативного назначения.

Список источников

Источники на турецком языке:

1. Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul: Remzi kitabevi, 1943. (S.A. KMM)
2. Yaşar Kemal. Yılanı öldürseler. İstanbul: Cem yayınevi, 2004. (Y.K. YÖ)
3. Mehmet Rauf. Bir aşk tarihi. İstanbul: Ceylan Matbaa, 2018. (M. R. BAT)
4. Halide Edip Adıvar. Ateşten gömlek. İstanbul: Can yayınları, 2019. (H.E.A. AG)
5. Zülfü Livaneli. Huzursuzluk. İstanbul: Doğan Egmont yayıncılık Tic. A. Ş., 2017. (Z.L. H)

Источники на якутском языке:

1. Зверев Д.С. Аҕам туһунан аман өс. (Зверев Д.С. Слово о моем отце) Якутскай к. 1995. (АТАӨ)
2. Скрябин В.В. (Идэлги) Кырыыстаах кыраабытын курдук. (Как будто кто-то проклял) — URL:http://wiki.sakhatyla.ru/wiki/Кырыыстаах_кыраабытын_курдук... (ККК)
3. Хотугу сулус. Саха уус-уран литературатын икки ыйга биирдэ тахсар альманаҕа. (Полярная звезда. Якутский художественно-литературный альманах выходящий один раз в два месяца) Якутскай к.: САССР ГОСИЗДАТА ЯКУТСКАЙ: 1945. (ХС)

Список использованной литературы

1. Ахманова О.С. Словарь Лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: ВШ, 1962. – 332.
3. Бетлингк, О.Н. О языке якутов / Пер. В.И. Рассадина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 646 с.
4. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Академия Наук СССР, 1963. 392 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
6. Гаджиева Б. А., Серебренников Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 302 с.
7. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. 165 с.
8. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Издательство СПбГУ, 2015. 319 с.
9. Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория»//Советская тюркология. №3. Баку, 1981. 22-35 с.
10. Дениз-Йылмаз, О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Издательство Санкт-петербургского университета, 2006. 227 с.
11. Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М.: Издательство восточной литературы 1960. 96 с.

12. Дубровина М.Э. О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков //Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. СПб.: Издательство СПбГУ, 2016. 49- 55 с.
13. Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление» (из истории проблемы) //Alkiş bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова /Отв.ред.Е.А. Оганова. М.: Издательство «МБА», 2015. 42- 49 с.
14. Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей: субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб.: Издательство С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. 239 с.
15. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов / отв. ред. О.П. Суник. Л.: Наука, 1968. 7-32 с.
16. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. 46 с.
17. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на –ган и ее производные. Л.: Ленинградский университет, 1959. 152 с.
18. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М.: Издательство «Наука», 1977. 183 с.
19. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 571 с.
20. Кононов А. Н. Заметки по морфологии турецкого языка // Советская тюркология. Баку, 1980. 14-20 с.
21. Коркина, Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 206 с.

22. Маслов Ю.С. Введение в языкознание, М.: Издательство «Высшая школа», 1988. 272 с.
23. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978. 368 с.
24. Мельников Г.П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 399 с.
25. Михайлов М.С. Перифрастические формы и категория вида в турецком языке. М.: Моск. ин-т востоковедения, 1954. 139 с.
26. Панфилов В.З. О природе модальных значений // Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 174-200 с.
27. Реформатский, А.А. Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. - 5-е изд. - М.: Аспект Пресс, 2007. 536 с.
28. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М.: Наука, 1955. 188-225 с.
29. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.
30. Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию. Переводы с фран. яз. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
31. Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под. ред. В.Г. Гузева. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 170-230 с.
32. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках. СПб.: Издательство СПбГУ, 1994. 124-127 с.
33. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Издательство «Наука», 1988. 557 с.

34. Убрятова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 603 с.
35. Черемисина, М.И., Бродская, Л.М., Скрибник, Е.К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.
36. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.
37. Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. М.: Издательство «Восток – Запад», 2007. 666 с.
38. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. Л.: Издательство «Наука», 1981. 183 с.
39. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77-100.
40. Jakobson R. O. О структуре русского глагола // Избранные работы. М., 1985. С. 210-221.
41. Jakobson R.O. Шифтеры. Глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М: Издательство «Наука», 1972. С. 95-113.
42. Radloff, W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1908. – 86 с